

18+

Услышать, как
растет трава...!

Олег Раин

Олег Раин

Услышать, как растет трава

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270175

ISBN 9785449349439

Аннотация

Если друг попадает в беду, это страшно. Даже если этот друг – настоящий медведь. И команда ребят без раздумий вступает в схватку со взрослыми, отправляясь на притравочную станцию спасти своего косолапого друга. Только что могут подростки? Силы явно неравные. Однако помощь приходит с самой неожиданной стороны...

Содержание

Глава 1 Эдуард Доронин или попросту Эд...	5
Глава 2 О бедном мишутке замолвите слово	19
Глава 3 Верхом на лавочке	28
Глава 4 Совет капитанов	41
Глава 5 Авто-бросок к цели	55
Глава 6 Типа, спецназ...	67
Глава 7 Я допрашиваю врага	85
Глава 8 Это сладкое слово – свобода!	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Услышать, как растёт трава

Олег Раин

*«Не уходи в темнеющие дали:
живи в короткой яркой полосе».*
Омар Хайям

Марина Богуславская *Дизайнер обложки*

© Олег Раин, 2020

© Марина Богуславская, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4493-4943-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Эдуард Доронин или попросту Эд...

Над крышами домов летели самолеты – темные, страшные – близкие настолько, что просматривались заклепки на фюзеляжах. Бомбы сыпались из них, точно попкорн из торговых автоматов, с грохотом лопались у земли, пьяно расплескивали оранжевое пламя. Старый цирковой медведь, прихрамывая, бежал по улице. Из перебитой лапы сочилась кровь, за зверем тянулась багровая петляющая дорожка. А мы... Вся наша ватага лежала, прижимаясь к гудящему асфальту, и ничего не могла поделать. Часть самолетов отделилась от общей массы, с ревом устремилась вниз. Теперь они метили в медведя, и в какой-то из моментов я точно понял: сейчас попадут! Поймают мохнатую фигурку в крестик прицела и не промажут. Остановившись, медведь повернул голову. Вой пикирующих бомбардировщиков нарастал, и зверь неожиданно поднялся на задние лапы. Он словно хотел встретить смерть грудью – не прячась и не удирая. Гул от моторов стал нестерпимым, а ужас от того, что сейчас произойдет, заставил меня дернуться и распахнуть глаза...

Первое, что я увидел, это свой давний рисунок на стене с Чебурашкой и крокодилом Геной, больше похожим на Рэндалла из «Копорации монстров». Рядом красовалась царапина, оставленная лихим рубашкой, каким был я лет в шесть или семь. Деревянный меч – далеко не булатный, но обоям от того приходилось не легче. С люстры расстрелянным парашютом свисал сдувшийся шарик, над дверью тикали огромные часы, на шкафу замерзал одинокий, покрытый пылью веков глобус. Судя по часам, проснулся я вовремя – как раз успевал собраться. До встречи с ребятами оставалось минут пятнадцать.

Ясно, что никаких самолетов не было, но противный вой никуда не исчез. Приподняв голову, я огляделся. Ну, да – это ревели газонокосилки за окном. Реальность навевала сон, а возможно, если почитать иные мудреные книжки, все обстояло ровным счетом наоборот.

Как бы то ни было, сновидения рассеялись, сердце начинало успокаиваться. Опустив взгляд, через открытую дверь я разглядел Галку. Старшая моя сестрица, разумеется, крутилась в коридоре перед зеркалом – как обычно торопилась на свою обожаемую секцию. А может, спешила к тем симпатичным и рослым ребяткам, что играли с ней в волейбол. Иначе не тратила бы столько времени на прическу и макияж.

Глядя на стройную Галкину фигурку, я с тоской подумал, что очень скоро какой-нибудь лось понахальнее окончательно уведет ее из нашей семьи, еще и командовать начнет, советы давать, как жить, что носить и что делать. И мне, наверное, придется дружить с этим новоявленным советчиком, улыбаться при встречах, жать руку и поддакивать.

Непрошено всплыл в голове эпизод из детства. Мне тогда года четыре было, и чем-то я крепко заболел. Или отравился, не помню. Температура под сорок скакнула, и сестре сказали, чтобы не шумела, не прыгала, что братику плохо, что он даже может умереть. Она и поверила, дурында такая, – ходила на цыпочках, про игрушки свои напрочь забыла. А когда родители куда-то ушли, подседа ко мне на кровать и давай реветь. При этом часто целовала мое пылающее лицо, а на ухо шептала всякие ласковые обещания – вроде того, что будет всегда играть со мной, во что захочу, что будет делиться самым вкусным и интересным, что подарит любой самый дорогой подарок – лишь бы я не умирал. А я слушал и не знал – верить ей или не верить. Я и слуху своему в те минуты не очень-то верил, поскольку в горячечных снах легко путались бред и реальность. Но вот поцелуй те запомнил крепко...

– Ты будто не на волейбол идешь, а на свиданку

к мажорам, – сварливо заметил я. При этом отметил про себя, что людям свойственно говорить не то, что они чувствуют и думают.

– Не твое дело! – Галка в зеркало показала мне язык и натянула аудионаушнички. Вроде как отгородилась. При этом продолжала колдовать над лицом – что-то там припудривала, выщипывала и подкрашивала. И, само собой, всю пританцовывала, высоко вздергивая красивые коленки, виляя бедрами, иногда даже подпрыгивая.

– Во, коза-то! – пробормотал я и сам удивился, что в голосе моем больше восхищения, чем досады. Хорошо, хоть Галка этого не услышала. Не любил я ее нахваливать. Пусть и младше был сестрицы на два года, а все одно – следовало держать марку. Потому что мужик – это мужик, и дело мужика – не охи-ахи разводить, а грамотно поучать женскую половину, если надо – ехидничать, а то и шлепкарей воспитательных отвешивать.

Впрочем, до шлепкарей у нас дело не доходило. Может, кому-то с сестрами не везло, а я своей Галкой в целом был доволен. Вот и сейчас глядел на нее и грустно любовался. Точно и впрямь видел в последний раз. Умела она все-таки кривляться. На танцполах такое порой выделывала, что все вокруг расступались и рты разевали. Даже ее подруга, яркая и фигу-

ристая раскрасавица Матильда, начинала губы с досады покусывать. В такие минуты я понимал, что у сеструхи не просто красивая фигурка и пышные волосы, а настоящий без всяких «яких» талант. Ритмическое чутье, как однажды сформулировала моя одноклассница Ксюша. Ей, пожалуй, можно было верить. Ксюша была полной, неспортивной и безумно от этого страдала. Потому и читала про разные болячки не меньше Лешика, нашего главного эрудита в классе. Тот, правда, говорил, что булимия – это как раз фигня, и в Ксюхином случае значительно хуже то, что у нее телесная дисморфия. Это, значит, психическое расстройство, которое как раз и становится причиной недоедания или напротив обжорства. И если, скажем, моя Галка смотрелась в зеркало и видела неизменную принцессу, то Ксюша, подходя к зеркалу, всякий раз вынуждена была общаться с существом, едва влезающим в безразмерные джинсы, заставляющим расползаться по швам блузки и кофточки. Короче говоря, бедная Ксюша сама себе решительно не нравилась, потому и фотографироваться не любила, и в зеркало заглядывала крайне неохотно. По уму – ей бы не маяться ерундой, а нырнуть в физкультуру – бег полюбить, плавание, но ведь толстые потому и не занимаются ничем, поскольку дико стесняются всего мира.

А вот сестра Галка окружающих никогда не стес-

нялась. Когда же принималась танцевать – наоборот, этот самый окружающий мир реально преображала. Это даже я, толстокожий да неритмичный, чувствовал. Пару раз тоже пробовал повторить дома некоторые из наиболее симпатичных Галкиных «па». Ничего не вышло, и, лишний раз исплевавшись, я строго-настрого запретил себе подходить к танцполам. Пасса там же, где и люди вроде нашей Ксюхи. Кстати, и половицу «Природа на детях отдыхает» давно изменил до «Природы, отдыхающей на братьях». Тут я был не одинок. Даже мама как-то заявила, что ее терпение лопнуло, что на родительские собрания ко мне она больше ни ногой, только к любимой Галочке. Оно и понятно – ее-то никогда не ругали, только расхваливали на все лады, там и посидеть, и послушать было приятно. Только с собранием все равно получилась хохма. Мама на него не пошла, и пришлось отправляться папе. Ему, по мнению мамы, это было крайне не полезно. Но самое смешное, что вернулся он вполне довольный и успокоенный – рассказал, что ничего страшного не произошло, никто меня не ругал – и вообще ни единым звуком нашу фамилию не упомянули. Ему на этом бы и остановиться, а он давай учительницу расписывать, вопросы, которые обсуждали – ну, и выяснилось, что он просто кабинет перепутал, не в том классе сидел.

В общем, каждому, как говорится, свое, и по любому танцы являлись не моей стихией. Моей стихией была тупая и терпеливая система. Это я уже года три как для себя вывел – когда впервые понял, что, может, я и тупой, однако способен совершать открытия.

Собственно, первым моим открытием как раз и было то, что ни гением, ни даже мало-мальски одаренной личностью мне родиться не довелось. Пусть и назвали меня гордым именем Эдуард, но был я тупей тупого, и с этим приходилось мириться. Кстати, в первый раз об этом мне сообщила все та же разудалая сестрица, когда я, будучи малолеткой, хотел блеснуть взрослостью и вполне самостоятельно поставил на кухонный огонь пластмассовую миску с супом. А что? Все что-нибудь ставили на плиту, и я поставил. Сам начерпал себе поварешкой из общей кастрюли, не пропустил ни гущи, ни ненавистной капусты – словом, сделал все честь по чести. Не учел одного, что грели кашу-супы в посуде сугубо металлической. Понятно, что все у меня тут же расплавилось, суп залил конфетки, кухня наполнилась чадом и паром. Расстроился я страшно, стоял возле плиты и ревел. Тогда-то Галка и назвала меня тупым. Это у нее просто сорвалось с языка, но со временем я понял, что она права. Факт был скверный и до жути печальный, но я действительно считал не так быстро, как другие, соображал

куда медленнее, а, читая вслух, то и дело запинаясь и путал строки.

Однако за первым открытием последовало второе, во многом меня утешившее. Вконец утомленный осознанием собственной тупости, я как-то решил, что и шут с ним! Ну, то есть, со мной, значит. Что тупость вовсе не повод, чтобы ходить как в воду опущенным. В том смысле, что ни вешаться, ни страдать из-за этого не стоило. Потому как, во-первых, не та это причина, чтобы изводить себя сутками напролет, а во-вторых, тупость оказалась бедой совсем даже не безнадежной. Честно-честно! Все равно как та же трагедия у толстой Ксюхи. Она ведь не просто так за парнями шастала – тоже совершила свое маленькое открытие. Другие-то стресс булочками да конфетами заедают, а она как-то сообразила, что участвуя в акциях нашей пацанвы, теряет аппетит начисто. «Измененное качество жизни угнетает желудочно-кишечную активность» – так она это сформулировала. Я-то, помнится, пробовал в очередной раз ее отвадить, а она, расплакавшись, все мне и выложила. Еще и призналась, что с некоторых пор запала на Серегу Тишулина. Так что выставить ее вон из нашей компании у меня просто не хватило наглости. Понятно, и не сдал никому – может, потому что признал за свою. Серега – Серегой, но ее булимия вполне была сравнима с моей ту-

постью, и перед приятелями я Ксюху не раз отмазывал, практически закрепив в нашей команде, как наблюдателя и безотказного помощника. Еще и благодарен ей был, поскольку именно Ксюхин пример подсказал мне, как можно бороться с тупостью. Она, значит, свою булимию лечила сверхактивной недевчоночьей жизнью, я же вместо штурма избрал тактику терпеливой осады. И не всех крепостей разом, а лишь тех, что казались мне главными и желанными. Я даже тетрадку особую завел, куда выписывал советы для тупых...

– Ой, забыла! – отлипшая от зеркала Галка обернулась ко мне. – Эдька, рейсфедер положи, пожалуйста.

– Сама положи.

– Я уже в туфлях – и дверь почти открыла.

– Значит, с собой забирай.

– Нельзя. Он маленький – обязательно потеряется.

– Кто он-то?

– Я же говорю – рейсфедер! Пинцетик такой для бровей. Я тебе занозы им выдергивала.

– Так бы сразу и сказала... – я нехотя поднялся с тахты, прошлепал в коридор, взял у сестры, уже накрашенной и причепуренной, крошечный рейсфедер, небрежно подбросил на ладони.

– Куда кинуть-то?

– Не кинуть, а аккуратно положить. Клади в мой несессер. В правый кармашек.

– Издеваешься? – возмутился я. – Какой еще несесер? То рейсфедер, то несесер – ты по-русски говорить умеешь?

Галка округлила глаза, даже рот свой покрашенный приоткрыла, но все-таки в последний момент сумела сдержаться. С некоторых пор она взялась работать над собственным образом, принуждая себя не ругаться, не ворчать и по возможности обходиться без издевательских шуточек.

– Не знаешь, что такое несесер? Процессор свой знаешь, а несесер нет?

– Сравнила Годзиллу с варезкой!

– Причем здесь варезка! Несесер – это такой матерчатый раскладной буфетик.

– Чего?!

– Ну, да! Все равно как сумка, только вешается на стене и с множеством карманчиков.

– Буфетик, раскладной – да еще на стене? С ума сойти...

– В нем все мои расчески с парфюмерией лежат – будто не знаешь.

– На какой стене-то? Стен в доме много.

– Ну, Эдька, включай мозги. Если мой несесер, значит, и стена над моим столом.

– Над твоим столом потолок, а не стена... Ладно, понял, – я поморщился. – Фигня такая в горошек – да

еще с наклейками?

– Эдик, ты в девятый перешел, уже дылда с меня ростом, а разговариваешь, как орангутанг. И ходишь, как бомж какой – вечно в мятом да рваном.

– Зато ты у нас дипломатка и симпатяга.

Глаза Галки вновь округлились, правый кулачок чуть приподнялся. Но девчонка она была волевая – набрала полную грудь воздуха и, прикрыв веки, с шипением его выдохнула. Такое я уже не раз видел. Это она так по йоговской методике себя успокаивала.

Я удовлетворенно хмыкнул. Все же вывел сеструху из себя! Играть роль ангелочка у нее долго не получалось. Еще немного, и в меня запросто могли запустить каким-нибудь ботинком.

– Ладно, не закипай. Брошу я твой несессер в рейсфедер или куда там тебе надо.

– Вот и умничка! Только наоборот, рейсфедер в несессер, – назидательно проговорила Галка, хотя было понятно, что ей очень хочется выпалить какую-нибудь гадость. Но молодец – сдержалась. Помнила про свою генеральную установку – терпеть, не срываться и не брюзжать. Где-то она прочла, что жизнерадостные люди более привлекательны и успешны, а ей это было сейчас, ой, как нужно! Все-таки Галка перешла в одиннадцатый класс, а одиннадцатый класс – это, даже я понимал, – финиш

и кранты в одном флаконе. Конец детству и начало непонятно чему – то ли взрослой жизни, то ли невыносимым трудностям. Причем касалось это в равной степени всех; парням – тем про армию с вузами пора было задумываться, девочкам – про скорое и удачное замужество. Потому и сходили с ума сверстницы Галки с этими нарядами, с тату и разнокалиберными прическами. Без монопода, без кулонов да висюлек в ноздрях – уже и из дома не выходили. Смех да и только.

– Так... Ничего не забыла? – Галка задумалась.

– Да екалэмэнэ! Вали ты поскорее, пожалуйста.

Скоро Витька придет, а тут ты.

– То-то ты нервный такой. По-моему, этот Витька на тебя ужасно влияет.

– Нормально влияет!

– Он неуч, горлопан и хам.

– Вот вырастет этот неуч, станет твоим мужем, тогда узнаешь, какой он неуч.

– Что еще за глупости?

– Это ты сейчас так говоришь. А выскочишь за него – сразу притихнешь.

– Да что ты такое несешь-то!

– А что? – я ухмыльнулся. – Ты, может, давно ему нравишься. С самого первого класса.

– Да он малявка еще!

– Всяко повыше тебя ростом.

– Дело не в росте.

– Вот именно. Не в росте и не в возрасте. Хотя ты, конечно, старуха для него, но и таких, бывает, замуж берут.

– Что? Какая еще старуха! – щеки у Галки запунцели. Непонятно было, то ли злится она, то ли растеряна.

– А чего ты хочешь? Два года – разница. Даже два с половиной! Я ему сразу сказал: ищи среди малышни. Первый класс там или третий. Считай, все наши невесты там тусуются. Только Витьке малявки неинтересны. Он на старших посматривает, а среди старших ты вроде самая нестрашная. И плясать умеешь. Ну, то есть, это не я, это он так считает. Мне-то ты до лампочки.

– Да ты... Ты... – Галка явно не знала что сказать.

– Беги давай, – хмыкнул я. – А то он заявится, и придется вам прямо здесь объясняться. А я не люблю, когда при мне семейные дела решают.

– Трепач!

– В зеркало на себя глянь. Красная, точно свекла...

Галка выскочила на лестничную площадку, хлопнула дверью, а я метнулся к окну – посмотреть, как столкнутся Витька с Галкой. Парни-то и впрямь договоривались о встрече. И Витька обещал прийти. Сло-

вом, было бы здорово, если бы они, на самом деле, встретились, хотя всерьез ни про какую женитьбу я, конечно, не думал. Нравится там кто-то кому-то или нет, а времени впереди еще два вагона с тележкой – сто раз все перекрутится и перемелется. А до свадьбы – до нее еще дожить надо, поскольку Галкины глупые проблемы с нашими сверхзадачами даже сравнивать было смешно. Хотя ни я, ни Виктор, и никто из ребят смеяться не спешили. Сложно смеяться, когда знаешь, что где-то поблизости, возможно, в самое ближайшее время вполне живому существу (пусть и не человеку) вот-вот будут вырывать когти и зубы. Не один-два, а все начисто – и только для того, чтобы существо это не могло себя защитить.

Глава 2 О бедном мишутке замолвите слово

Тихон был медведем – и Тихон был стар. Сколько в точности ему стукнуло, не знали даже в цирке, но именно там мы впервые с ним познакомились. На свободе медведи живут до тридцати лет, в неволе чуть ли не до пятидесяти. Странная такая штука... Помнится, долгое время я отказывался верить, что в неволе звери живут дольше. У нас с ребятами по этому поводу целые баталии разгорались. В самом деле, получается, что на свободе живется хуже? Неужели за решеткой более весело? Ведь нет же! – тоска, скука, безделье, – ходишь туда-сюда, как ненормальный, на людей рычишь, по лесу, по свежему воздуху скачашь. Хотя с другой стороны – никаких тебе стрессов, за еду не надо никого рвать – все расписано по часам и минутам, да и доктора, если что, всегда помогут. В общем, еще одна загадка природы. Или несуразность, это уж кто как назовет. Только наш Тихон даже по меркам неволи был далеко не молод, потому и на арену с каждым годом выходил реже и реже.

Ну, а в цирк нас тогда Серега Тишулин заманил. Сам-то он еще с детского сада мечтал стать цирка-

чом. Как-то сходил с родителями на представление – и загорелся. В классе четвертом набрался храбрости и, прокравшись за кулисы, поведал артистам о своей мечте. И ведь не прогнали его, стали пускать на репетиции. В чем-то он помогал им – еду разносил по клеткам, на сцене реквизит убирал, в буфет за бутербродами бегал, а они его обучали по канату ходить, кольцами да мячами жонглировать, фокусы простенькие показывать. Понятно, Серега и нас, своих друзей, повадился в цирк приводить. Никто особенно и не возражал. Я думаю, на нас там, как на смену подрастающую, глядели. Серега-то у них почти своим стал и перед нами всю хвастал – вроде как нам-то ЕГЭ сдавать, в институтах да колледжах париться, а он уже после школы будет с готовой профессией. Разве что училище цирковое закончит, но там для таких, как он, сплошные льготы и ничего сложного.

Но речь даже не об этом. В этом самом цирке он мячиками научился жонглировать, и я это как увидел, прямо затрясся весь. Жутко мне захотелось так же вот ловко руками порхать да мячи в воздух подбрасывать. Но это же Сергуня! Он и на физкультуре у нас был в первых рядах, все ему давалось легко да быстро – канат с турником, брусья с мячами, шпагат или кувырок какой. Даром, что Ксюша на него запала. Верно, видела в нем воплощение своих тайных чая-

ний. Серега-то был сухой, жилистый да ловкий. Любая одежда на него легко налазила, и на пирожные с конфетами он смотрел с абсолютным равнодушием. Конечно, на печенье с тортами мне тоже было, по большому счету, плевать, но этим и исчерпывалось мое сходство с Серегой. В отличие от этого живчика, я точно знал, что сходу жонглировать не научусь. Только людей насмешу да сам лишний раз расстроюсь.

Но как действовать, я все-таки примерно себе представлял. Был уже прецедент. Как-то на уроке по биологии я АТФ никак не мог выговорить. Пару раз попробовал ответить у доски, так класс с хохоту лег. И так мне стало тогда обидно, до того я разозлился, что, придя домой, написал крупными буквами на полосе ватмана: «АДЕНОЗИНТРИФОСФОРНАЯ КИСЛОТА» – и начал повторять, как попка-попугай, пока не стало получаться. Раз сто, наверное, повторил, не меньше! Потому что понимал: язык – та же мышца, только и всего. Жаль, учительница меня потом повторно не вызвала, блеснуть произношением так и не удалось, но ценный опыт появился. И когда я брался за жонглирование, то наперед знал: всё у меня получится – в точности как с АТФ. Разве что времени понадобится значительно больше.

Начал я неспешно и издалека. Сперва погулял по интернету и перечитал все, что нашел об искус-

стве жонглирования. И тогда же понял, что не зря меня в цирке залихорадило. Ох, не зря! Потому что выяснилась интереснейшая вещь: помимо координации и реакции – жонглирование развивало мозги! Иначе говоря, преобразовывало одноядерный процессор в двухядерный, поскольку одновременная работа обеих рук вызывала взрывной рост связей между мозговыми полушариями. Почему? Да потому, что каждое отвечало только за свою руку, а тут им сотрудничать приходилось – да еще и на приличной скорости! Мы ведь оттого и превращаемся в левшей да правшей, поскольку не делаем ничего для внутреннего равноправия. Да и во внешней жизни у нас сплошное противостояние – болеем либо за тех, либо за этих, и все у нас строго двухцветное. Так и получается, что черное вечно воюет с белым, а левому глубоко плевать на правое. Я потом много чего передумал на эту тему – и ужаснулся, каким же я был кретинном! Правой рукой, скажем, держал ложку, левой – хлеб, правой – писал и рисовал, левой – скреб макушку и тер глаза, и никак эти процессы между собой у меня не увязывались. А тут появились мячики, и мироздание сразу дало крен. Потому что жонглирование требовало полной синхронности рук, и оба моих полушария начинали работать так, что жарко становилось всему телу. Если верить интернетовским статьям, ней-

ронные структуры в эти минуты стремительно обрастали всевозможными аксонами и синапсами, и многие из занимающихся жонглированием начинали умирать прямо на глазах. Ученые этот процесс уже и тестами доказали, и по многочисленным распечаткам томографов. А медики усиленно рекомендовали заниматься жонглированием не только малышам и пожилым людям, но даже тем, кто страдал какими-либо расстройствами головного мозга. Представляете? Больным ДЦП – и тем прописывали жонглирование! Еще и глаза тренировались бешеным образом. Правда, правда! Я и словечко интересное тогда узнал – аккомодация. Иначе говоря – способность глаза фокусироваться при взгляде на далекие и близкие объекты. Что-то там связанное с эластичностью хрусталика и цилиарными мышцами... Вот эти самые мышцы жонглирование и тренировало. И хотя со зрением у меня проблем не было, мячики по любому оказывались тем средством, в котором я так нуждался. Тайный эликсир от тупости и медлительности!

Понятно, я начал таскаться за Сергуней, выпытывая секреты жонглирования. Он охотно показывал и делился, а я уже дома до седьмого пота пытался реализовать его советы в жизнь. Тут-то и пригодилась моя «упертая система». То, на что другие тратили неделю-две, не давалось мне вовсе, и потому я не то-

ропился. Месяц или год – какая, собственно, разница? Я точно знал, что буду корпеть до тех пор, пока что-то у меня не станет получаться, пока не вырастут нужные аксоны с дендритами, пока не добьюсь того, чего хочу. Понадобится год – не страшно, а могу и пять лет потерпеть. Поскольку глаза боятся, руки делают, а дорогу осилит идущий – и так далее. Чаше других ребят я стал забегать в цирк, чтобы поглазеть на Серегу и его друзей жонглеров. Заходил и к Тихону на репетиции, где он мячи ловил двумя лапами и на велосипеде ездил. Очень меня тогда поразило его умение! Ведь если медведь способен обучаться, я-то, скажите на милость, чем глупее! Сидя за компьютером, вместо игр я скачивал ролики с виртуозами колец и шаров, записывался в комнате и, пока никого дома не было, начинал свои сумасшедшие тренировки. На все эти занятия у меня уходила уйма сил, времени и нервов. Руки от усталости немели, а по полу мои мячи стучали так, что соседи начинали ответно барабанить по батареям. Десятки раз мне хотелось реветь от обиды за свои неумелые руки-крюки. Другой бы сто раз бросил эту затею, но я уже знал: система – это система, и пословица про терпение и труд была придумана именно для таких сундуков, как я.

Битых два месяца у меня ничегошеньки не выходило, а потом... Потом будто и впрямь в голове что-

то проключилось – те самые два ядра, которые, наконец-то, зашуршали и заработали. И три моих мячика начали перескакивать из ладони в ладонь, а я даже толком не понимал, как это у них получается. Так или иначе, они перестали падать. Ну, то есть, падали, конечно, но я уже мог вести настоящий боевой счет, подбрасывая их сперва по три и четыре раза, а после по пять и по шесть – и так далее. Я и в цирке не постеснялся продемонстрировать свои успехи Сергуне. И Витьке наконец-то показал, чему научился. Если Серега мои успехи оценил весьма скупно, то Виктор был в полном восторге. Вдвоем мы тогда скормили старому Тихону целую связку бананов. Я кучу денег на эти бананы потратил – точно именинник какой. Угощал всех своих друзей, цирковых работников и, конечно, старого Тихона. Уж не знаю почему, но бананы он просто обожал, а кормить животных нам тогда уже разрешали. Не с рук, конечно, а с помощью специального совка. Кладешь на него еду – открываешь специальный поддон и просовываешь в клетку. Другие-то старого медведя уже не очень баловали, а нам он нравился – огромный, меховой и совсем даже не злой. Только вот грусть у него в глазах стояла. Иногда даже слезы настоящие. Он точно предчувствовал свое скорое будущее. Василий, помощник дрессировщика, нас тогда постоянно предупреждал,

что зверь – это всегда зверь, а уж в компании с медвежьим племенем расслабляться и вовсе нельзя, но я почему-то верил, что запросто мог бы кормить Тихона с рук. Нет, правда, он нам по-настоящему радовался. Едва завидев, тут же косолапил к прутьям, шумно втягивал ноздрями воздух и даже вроде как улыбался. Не рычал, а похрюкивал этак довольно. А несколько раз на задние лапы вставал – чтобы, значит, быть вровень с нами. И не просто вставал, а вполне свободно перемещался – мишка-то был цирковой! Мы вправо шагали – и он туда же, мы влево – и он в ту же сторону. Словно игру в пятнашки затевали. И мне в такие минуты чудилось, что для Тихона такое хождение было ничуть не легче, чем для меня мое жонглирование. Значит, и у него по всем меркам был не просто медвежий ум, а свой особый двухядерный – с новой тактовой частотой и так далее. Я и жонглирование первый раз продемонстрировал не Сереге с Витькой, а именно ему. Сам не знаю, почему так вышло. Но Тихона я не стеснялся и точно знал, что ни ехидничать, ни смеяться он не будет. И он, действительно, оказался расчудесным зрителем: сидел в своей клетке совсем как человек и внимательно следил за моими бросками. Хлопать – не похлопал, но головой своей покачивал, как мне казалось, весьма одобрительно.

Все это было чудесно, но очень скоро заверши-

лось. По неведомым причинам в цирке сменилось руководство, и новый директор, крикливый, энергичный, с круглым таким животиком, стремительно взялся менять администрацию – кого-то уволил, кого-то зарплатами приструнил, ну, а нас, как посторонних и малолетних, попросту приказал выставить вон, строго-настрога запретив пускать в служебные помещения. Мы-то ладно, но и Сергуне нашему указали на дверь! Он, конечно, связи со своими друзьями жонглерами не терял, но все равно очень переживал. И именно от него мы вскоре узнали, что от Тихона новая администрация хитроумно избавилась. По сведениям, которые раздобыл Серега, циркового ветерана сплавили не в заповедник и не в зоопарк, его продали каким-то ханыгам на притравочную станцию. При этом цирк в лице животастого директора еще и хорошо заработал, хотя денежная сторона нас как раз не интересовала. Нас волновала судьба Тихона – верного циркового ветерана и моего первого зрителя. Во всяком случае, что такое притравочные станции, мы уже знали, как знали и то, что звери, оказавшиеся там, долго не живут.

Глава 3 Верхом на лавочке

Честно говоря, я-то думал, что спешки особой нет – успеем еще и выход найти, и кого-нибудь из взрослых подтянуть. Это уж у нас, у людей, такой бзик: в наивности своей вечно надеемся, что времени впереди тонны и груды – хватит на то, на это и на пятое-десятое, а в итоге зуммерит звонок на урок, и обнаруживается, что ничегошеньки мы не успели. И дома что-то забыли, и не подготовились должным образом, и рубаху в штаны не заправили, а впереди не просто урок, а самая настоящая контрольная. Или того хуже – какой-нибудь госэкзамен...

Словом, вызов поступил срочный и не от кого-нибудь, а от Виктора. Короткое СМС, которое веером разослали всем нашим. Понятно, без пояснений, поскольку подробности в таких делах по телефону не обсуждаются. Но я знал, что именно в эти выходные Виктор с Серегой намеревались сгонять в разведку – на ту самую притравочную станцию, куда запродали нашего циркового друга. Понятно, и я к ним напращивался, но Виктор сказал, как отрезал: «это не прогулка, можно схлопотать по рогам, так что ждите». Нужный час был оговорен, и, выйдя во двор, я увидел на лавочке под сиренью всех наших. Были здесь

и долговязый Тарас, и Леха-Кулер, и кудрявый красавчик Димка Зайцев, и вечно встопорщенный мелко-рослый Боб. Ксюши пока не было, но за нее я как раз не волновался. Она-то подобные сходки нюхом чуяла – наверняка уже летела из дома со всех ног. А вот то обстоятельство, что по-прежнему отсутствовали Виктор с Сергеем, мне очень не понравился. И еще не понравилась огромная сумка, стоящая возле ног Димки Зайцева. Что в ней лежало, несложно было догадаться, поскольку наружу торчало сразу две здоровенных пластиковых трубы. Непосвященным это ни о чем не говорило, но я-то знал, что трубы на самом деле являются стволами двух мощных картофелепушек. Судя по всему, кроме этих агрегатов ребята прихватили из нашего арсенала и другие сюрпризы.

– Привет опаздывающим! – Тарас вяло пожал мне руку, и следом я хлопнул еще по трем ладоням. – Твоя только что выскочила. Красная, как морковь. Подрались, что ли?

– Морковь – оранжевая, не красная. А с сеструхой мы не деремся. Уже года четыре, как мир подписан.

– Это ты напрасно, – осуждающе проворчал Тарас. – Добрая ссора всегда лучше худого мира.

– Ты на что намекаешь?

– Я не намекаю, я прямым текстом излагаю: сеструха твоя опять в клуб подалась, а братец родной ведать

про это ничего не ведает.

– Она вроде в секцию собиралась, – не очень уверенно возразил я. – Волейбольную... Она давно туда ходит.

– Правильно, – фыркнул Димка Зайцев, которого мы звали попросту Зайцем. – На волейбол ходит, а в клубешник свой ездит. Улавливаешь разницу?

– Ты это о чем?

– О том, что сегодня она снова поехала на авто. Думаешь, с кем?

– Опять Матильда? – догадался я.

– Она самая. Их какой-то прыщ на «Мазде» только что подхватил. Так что зря ты ей доверяешь. Дождетесь радостей.

– Каких это радостей?

– А таких... Не слышал, что Матильда силикон себе решила ставить?

– Ты-то откуда знаешь?

– Говорю, значит, знаю, – Заяц довольно скривил губы. – Ума-то нет, – причем хочет ставить и спереди, и сзади.

– Обалдеть! – я ощутил легкий укол в сердце. Когда-то Матильда мне нравилась. Да что там! Прямо слюни по ней пускал – все воображал себе разные ситуации, когда можно было бы наглядно доказать ей, что и парни из младших классов заслуживают внима-

ния. Только мечты так и остались мечтами; за Матильдой волочилась свора старшаков, тягаться с которыми представлялось абсолютно нереальным. Священные телячьи чувства пришлось задавить, и утешал я себя только тем, что, отказавшись от этой красотишки, я, по крайней мере, не свяжу жизнь с глупенькой куклой.

– Прикинь – за операцию собирается платить три сотни косарей!

– Чего, чего? – не поверил я. – Три сотни?

– А ты как думал! У них сейчас крыша на этих делах едет. И губы накачивают, и щеки – все, что угодно. Так что держи свою Галку от нее подальше.

– Да как ее удержишь... – я отвернулся. Сама собой накатила злость. И было тут разом все: остатки неубитых чувств к Матильде, досада на сестру, беспечная болтливость моих друзей. В самом деле, вели треп о какой-то чепухе, в то время как Виктор с Серегой куда-то запропали, а судьба Тихона висела на волоске.

По методике сеструхиных йогов я сделал три медлительных вдоха и выдоха. Стало чуть легче, и сразу на ум пришло оправдание для моих друзей. В самом деле, может, потому и развлекались они болтовней, поскольку тоже дергались и переживали. Заяц – вон, с виду невозмутим, и губа нижняя оттопырена, а ко-

лено предательски дрожит. Бравый вояка Боб тоже ребром ладони по лавке постукивает – типа, мозоль каратистскую набивает – изображает безразличие, хотя и у него получалось это крайне неубедительно. Кулер – тот морщил свой высоченный лоб, как обычно витал в загадочных эмпиреях, но про него-то всегда было сложно понять – волнуется он или нет. Как бы то ни было, но обсуждать родную сестру и ее дружбу с вертихвосткой Матильдой мне совершенно не улыбалось. Придя к такому выводу, я решительно перевел стрелки на главную тему:

– Что слышно про Тихона? Есть новости?

Ребята не то чтобы поскучнели, но тут же оставили весь свой напускной юморок.

– Какие там новости, – Тарас поморщился. – Витек с Серегой зависли где-то. Утром отзванивались, сообщили, что когти и зубы Тихону те козлы рвать собираются. Вроде как даже сегодня.

Меня от этих слов передернуло.

– Это точно?

– Ну, вроде как...

– А может, не сегодня? Может, обойдется?

– Может, и обойдется, только не без нашего участия, – бесцветным голосом произнес Леха-Кулер, и в его устах прозвучало это как-то особенно зловеще. Впрочем, у Кулера всегда так получалось. Очень уж

внятно и грамотно выдавал он свои словесные тирады. За что и получил однажды прозвище «Кулер». Это ему Ксюша удружила – взялась как-то расхваливать и даже другим попеняла: вроде – смотрите и учитесь у Лешеньки! Это не ваше мычание топорное, а умная чистая речь. И не речь даже, а самый настоящий горный ручеек! Понятно, над этим «ручейком» все дружно поржали. Кто-то кулер помянул – ну, и прилипло. Был Алексей Пешнев – а стал Леха-Кулер. Даже Димка Зайцев поуспокоился насчет своего «Зайца». Все-таки заяц – животное пушистое, симпатичное – не какой-то там бездушный механизм. И барабанить умеет, и бегаёт быстро – вроде как есть, чем гордиться. Сам Димка, правда, бегал не суперски, зато неплохо играл на гитаре и в узком кругу с удовольствием исполнял песенную запретку. Мог и современный шансон выдать, и скабрёзные частушки сбачать. А ещё он любил рыться в репертуаре совсем старых времен, откапывая порой форменные шедевры...

– Может, в полицию стукнуть?

– Ага, классная идея, давай! Там тебе так стукнут, замучишься потом отписываться, – Боб переглянулся с Тарасом. – Или забыл, как ямину закапывали?

м Тут он прав был на все сто. Про ямину мы помнили отлично. Между прочим, тоже сидели на этой самой лавочке и полоскали нашу разлюбезную школу.

Как раз первые конфликты пошли с учителем Раевским. Не у нас, понятно, мы-то его на руках готовы были носить, но вот администрация школьная нагибала почем зря. Словом, судачили о взрослых, о правде-неправде и прочих невеселых материях. Типа, газоны каждую неделю налысо бреют, бордюры прямо по грязи засохшей десятым слоем красят, по всем школам камер наставили – и прочие дела. А вот ямину, что на въезде в наш двор, – засыпать и залатать – на это денег отчего-то не находится. Несмотря на то, что ямища была знатная! Людям ее приходилось обходить и перепрыгивать, а вот машины порой объехать не успевали. Кто-то застревал, а кто-то и днище серьезно обдирал. В общем, тема была старая, уже порядком смозоленная языками, но Раевский нас тогда крепко обработал – на подвиги зарядил, вот и случилось непредсказуемое брожение. Мы тогда на уроке про Мюнхгаузена говорили, про его планируемые на каждый день подвиги, вот Витька вдруг и попер – прямо бульдозером! Вроде как гундеть да ворчать – все мастера, а может, взять да засыпать ямину своими силами? Не слабо для такой оравы? Или только трепом заниматься умеем? А что там у нас Раевский толковал про таких?.. Короче, крепко так зацепил. И сразу все припомнили, что у Тараса в отцовском гараже пылится куча битума – ведер шесть или семь, а гра-

вия с щебнем полным полно за пустырем. Что-то там начинали в прошлом году строить, да так и оставили. Ну, а Леха-Кулер тут же рецептуру асфальта выдал – сколько процентов щебня, сколько песка и сколько битума. И понеслось! Махом притаранили во двор металлическую бадью, в ведрах принесли гравия с битумом, песка нагребли прямо из песочницы. Оставалось всего ничего – только битум расплавить, перемешать все как следует да залить ямину. Тарас даже предупредительный щит соорудил – чтобы, значит, никто в нашу битумную кашу случайно не заехал. И рисунок на нем потешный изобразил – с ног до головы перепачканного человечка. Рисовать-то он здорово умел, а Ксюша еще и маркером надпись грозную добавила – про штраф и строительные работы. Боб с Серегой и Зайцем костер запалили, ведро с кусками битума подвесили над огнем. Тарас воды принес – на всякий пожарный. И только мы все это приготовили, только настроились уничтожить каверзную яму, как неведомо откуда вынырнул участковый – да не один, а с какой-то барышней в полицейской форме. Ну, и закрутилась карусель, – что делаем, по какому такому праву, и почему огонь во дворе? Мы объясняем, нас не слушают. Говорим, что мужички каждое воскресенье во дворе пикники устраивают – с пиво да шашлыками на мангалах. Странно, что им мож-

но, а нам нельзя. Мы ведь, по сути, для всех старались, не просто так костер разожгли. Только нас никто и слушать не стал. Участковый патрульную машину пригрозил вызвать, а барышня в форме пообещала родителей оштрафовать. Особенно ей знак наш предупредительный не понравился – потому как с самовольной символикой, да еще и дорогу преграждающий. Короче говоря, заставили нас огонь потушить, а все наши заготовки выбросить на помойку.

– Вот так! – громогласно выдал тогда Виктор. – В кои веки доброе дело затеяли – и обломали. И кто? Родная милиция!

– Какая милиция? – заблажил Заяц. – Полиция! Чего ты хочешь от полицаев!

Был бы участковый проворнее, он бы за эти слова Димона точно за ухо поймал, но Заяц – он Заяц и есть. И увернуться успел, и отскочить на приличную дистанцию...

Словом, о яме мы все помнили. Да и как тут забудешь, если наблюдаешь ее, голубушку, каждый день. Потому и затею с жалобой участковому мы даже не стали обсуждать. Да и не было у нас времени, чтобы заниматься бумажной писаниной. В шахматах это называется цейтнотом, а в жизни – абзацем, тупиком и полным мраком.

– Вот с Раевским бы посоветоваться – это вари-

ант... – вздохнул Боб. – Он дяхан мудрый – наверняка бы совет добрый дал.

– Тебе еще совет нужен? – рассердился я. – Или хочешь ему лишних проблем? Понятно, Раевский за нас впишется, но толку-то? Ему же первому по шапке и дадут.

– Если начнем заявки писать, да ответа ждать, Тихону еще быстрее карачун наступит, – добавил Тарас. – Узнают на притравочной станции про ментов и угостят его какой-нибудь отравой. Скажут: сдох от старости.

– Согласен, – поддержал нас Кулер. – Формально они ничего не нарушают, притравочные станции законом не запрещены. Поэтому полиция этих уродов только насторожит. Будут искать – кто волну поднял. А может, даже и не будут, полицейские сами подскажут. Вот тогда всем инициативным, включая Раевского, и отольют по полной кастрюльке.

– Думаешь, они могут ему что-то сделать?

– Почему нет? Они хоть и зарегистрированы официально, и с лицензиями во всех карманах, а по сути – обыкновенные рвачи и бандюганы. Если им жизнь лисиц, енотов да волков по барабану, то и человечка, который будет мешать, они легко спишут... – Леша Кулер потер свой большой лоб и невесело улыбнулся. – Это только Раскольников маялся да страдал после

своего преступления, а в жизни таких рафинированных злодеев нет. Сказку Достоевский написал. Психологическое фэнтези.

– Было бы фэнтези, я бы прочел, – хмыкнул Боб. – А так даже не прикасался.

– А я вроде пробовал – это ж на лето задавали, верно? Думал, детектив какой, обрадовался даже, а там тоска голимая, – поддакнул Заяц. – Полистал сначала, заглянул в конец – и закрыл. Да у нас в классе вообще ее никто не читал. Разве что кто-нибудь из девок.

– Ксюша читала, – подтвердил я. – Она и «Братьев Карамазовых» читала. И «Идиота».

– Ну, Ксюха – особый случай! – хмыкнул Боб – Клиника с комплексами напололам. Такие потом большими начальницами становятся.

– Ксюха – это да. Точно станет начальницей!

– Только когда это будет? А нам бы сейчас адекватного начальника встретить. Чтобы рявкнул да разогнал этих притравочников.

– Где ты такого найдешь? – Боб пяткой взялся колотить по земле, выбивая торчащий камень. Он всегда нервничал от таких разговоров – потому и начинал что-нибудь крутить, ломать да выворачивать. – Вон Раевского турнули из школы – и что? Помог кто-нибудь? Заступился?

– Мы же писали петицию директору, – напомнил я. –

Тремя классами подписывали.

– И что? Директриса, скорее всего, нашу петицию даже не читала. Передала своей замдирше, а та еще и список черный составила. Из всех, значит, кто подписал. Те еще кобры! Учить не умеют, вот и прутся командовать. На пригравочных станциях тоже, наверное, такие ошиваются. Отдыхают после трудовых будней.

– Наши-то вроде не охотницы, кого им тренировать? Дома у них одни кошки.

– Зато поглядеть любят.

– Издеваешься? На что там глядеть-то? Это ведь не кино какое, животные-то реально умирают!

– Вот на это они и смотрят. В школе-то особо не разгуляешься. Им, может, придушить кого из нас хочется, а нельзя. Ну, а там это все вполне законно. Типа, бизнес такой. Одни зверей ловят и продают, другие на них псов натравливают, третьи деньги платят, чтобы на все это позирить, да на сотики свои поснимать. Все равно как зрители в этом... Как его?

– В Колизее, – подсказал Леха Кулер.

– Ну, да...

Все замолчали, и в наступившей тишине мы услышали размеренный скрип и постукивание. Словно к трактиру «Адмирал Бенбоу» приближался слепой Пью, а то и сам предводитель пиратов одноно-

гий Джон Сильвер. Но, конечно, это был не Пью и не Сильвер. Повернув головы, мы разглядели Виктора и Ксюшу. Разумеется, наша одноклассница не осталась в стороне – каким-то невообразимым образом пронюхала обо всем случившемся и раньше всех метнулась напрямиком к Витьке. И теперь бросала в сторону лавочки свирепые взгляды, поддерживая нашего разнесчастливого товарища под руку. А Виктор и впрямь выглядел неважно – с головой, обмотанной бинтом, с деревянным стареньким костылем под мышкой и полусогнутой загипсованной ногой. Кто-то из наших в растерянности икнул, кто-то присвистнул, а Тарас несдержанно выругался.

– А Серега-то где?

Сереги и впрямь не было.

По диагонали пересекая двор, странная пара приближалась к нашей лавочке, и я чувствовал, что, вторя колену Зайца, мои собственные колени тоже начинают мелко трястись. Как и другие, я еще ничего не знал, но ясно было, что дело, о котором мы только что говорили, обернулось первыми жертвами. Одну из них мы сейчас и наблюдали.

Глава 4 Совет капитанов

Сердце в груди продолжало болезненно тюкать – точно поселившийся там дровосек рубил и рубил дрова. Никак не удавалось дать ему укорот. Уже и поленица была полностью сложена, а чертов топорик продолжал работать, незадумчиво перекидываясь на окружающее. Я так и видел это маленькое орудие, что лупило изнутри по ребрам, оставляя тут и там ноющие рубцы. И все это под рассказ Виктора, повествующего о том, что произошло на притравочной станции.

– ..Охраны там особой нет. По периметру – забор с колючкой, но пробраться можно. Короче, нормально прошли. Народу много, но большинство – приезжие, и все в камуфляже, так что на нас особо и не косились.

– Нашли вольеры?

– Ага, по запаху. Ароматы там еще те...

– Конечно! – фыркнула Ксюша. – Это не свои домашние питомцы, никто, наверное, за ними и не убивает.

– Похоже на то, – согласился Виктор. – И клетки тесные, грязные... А на полигоне занятия как раз проходили. Мы старались не приближаться, но издалека

ка видели, как мужика какого-то в ватнике рвали да грызли. Противная такая картинка. Но он вроде ничего – отмахивался, вставал и убегал.

– А Тихон?

– Медведя мы не сразу нашли. Ни в клетках, ни на цепи его не было...

– На цепи?

– Ну, да. Там на территории несколько столбов здоровенных, а к ним животные цепями прикованы. Кабаны, косули, олени... Но в итоге вычислили один сарай, он там на отшибе стоит – массивный такой, железным гофром обит. Вот мы и затаились рядом.

– Ну, и?

– Что «ну, и»? Комаров сперва кормили, – вроде осень уже, а их там полным-полно. Специально, что ли, разводят... В общем, терпели, старались особо не маячить. А потом к этому сараю мужик с тележкой подрулил, с охранником начал трепаться – мы и поняли, что наш Тихон там. У них в этом сарае самые главные хищники заперты – волки, рыси, лисицы, ну, и наш Тихон... – Виктор, а он, конечно, уже сидел на лавке, осторожно почесал длинную ссадину на скуле. – Мы с Серегой ближе прокрались – чтобы слышать лучше. Из разговора поняли, что у них там и раньше медведи сидели, но всех вроде как приговорили.

– Как это?

– Да очень просто – списали, как всю живность там списывают. Для них зверюшки – товар скоропортящийся, – вот и Тихона они на летальный подписали. Это уж мы потом узнали – когда на сарай этот взобрались.

– Ни фиги себе! Зачем на сарай-то?

– А как туда еще пройдешь? На крыльце в кресле лоб какой-то с помповиком торчит, окон нет, только вентиляция. Ну, мы с тыла и зашли. Там березка подходящая – по ней и взобрались. Думали, вдруг сверху шифер подцепить удастся или дыра какая отыщется. Только обломилось; никаких там дыр и щелей не нашлось, все наглухо заделано. Но голоса слышно. Короче, полежали, послушали и увяли. Потому как эти внизу прямым текстом озвучили: раз зверь старый, значит, долгой травли не выдержит. Там же после каждого боя десятки ран. Кровь фонтанами хлещет – особенно если сворой травят. Ну, а чтоб зверь в себя пришел, к новой травле подготовился, немало времени требуется. Опять же – на лекарства всякие тратиться, а им-то это зачем?

– Вот, гады!

– Ага, потому и хронометраж там ведется с точностью до секунд – специально, чтобы до смерти не успели закусать. Иногда на схватку минут двадцать

выделяют, а иногда всего пять.

– Блин! Неужели никому этих псов завалить не удалось?

– Откуда я знаю. Может, у кого-то и получалось. Но для этого они и мудрят – страховки там всякие придумывают, прочие хитрости. Волкам да кабанам пасти струной стягивают, а лапы битами перебивают, когти кусачками срезают. Когда зверь молодой да здоровый, ему могут и клыки вырвать, а потом ждут, когда заживет – и выпускают на бой. Понятно, без когтей да зубов хищник сделать ничего не может. А уж когда разом несколько псов спускают – тем более.

– Тихон-то какой хищник? Его с рук, считай, всю жизнь кормили. И в цирке он ни кошек, ни петухов никогда не трогал.

– А этим придуркам плевать. Решили: раз старый, лучше не рисковать – сразу подписать на летальный бой. За это самое крутое бабло отстегивают, еще и зрителей кучу приглашают.

– Ну, твари! – вырвалось у Боба. – С «калашом» бы туда наведаться. Да причесать всех разом!

– Не смейся! Эти сами кого хочешь причешут. Там же все сплошь охотники, так что обвешены оружием с ног до головы. И все со связями, да в чинах – потому и не боятся никого.

– Это по ходу везде так, – подал голос Заяц. – Вон

Япония – вроде цивилизованная страна, а дельфинов с китами только так на консервы пускает. И у нас похожая история: оленей да тигров с лосями почему зря гробят.

– Во-во! Вроде люди и протестуют, и статьи пишут, а изменений – ноль.

– Правильно! – идиотским голосом протянул Боб. – Животные – они же не люди, чего их жалеть? И эти, что с ружьями, тоже обычно – что говорят? Вроде как мясо-то все любим кушать – вот и нечего губы кривить.

– Политика двойных стандартов, – вставил образованный Кулер.

– Типа того... – сумрачно подтвердил Виктор. – В общем, сегодня выходной, а уже во вторник им нового «потапыча» привезти обещали...

– Опана!

– Ну, да. Они так и сказали: «свежего зверя». А значит, Тихон им больше не нужен. Циркачи-то его недорого отдали и про возраст, конечно, сообщили, вот эти и боятся, как бы он раньше времени кони не двинул. Сегодня около пяти там весь этот базар, похоже, и начнется, а в финале нашего Тихона выпустят.

– Погоди, ему же ничего еще не срезали и не вырвали!

– Ну, этого я точно не знаю. По любому – когти сре-

зять недолго, а чтоб не кусался, морду струной перетянут, как тем же волкам.

– Вот, уроды!

– А ты думал! Чем дольше он против псов выдержит, тем больше они заработают...

Мы замолчали. Время от времени поглядывали друг на дружку и ломали мозги, пытаясь найти решение. Неожиданно заговорил Кулер. Вроде и про другое совсем, но мы его все равно поняли.

– После битвы на реке Альма множество свидетелей тоже описывали один грустный случай. Это под Севастополем было – осенью 1854 года...

– Это когда англо-французы на нас напали?

– Ну, да... Сперва на Балтике, потом на Черном море. Словом, наши войска потерпели свое первое поражение в Крыму и отступили к Севастополю. Так вот вместе с потоком отступающих брела лошадь с пятой батареи подполковника Хлапонина. Ну, то есть лошадей было много, но у этой ядром оторвало челюсть. И вот она бедная, истекая кровью, все равно дисциплинированно шла вместе со всеми, несла на себе сбрую, молча терпела боль, и ни у кого из солдат не поднималась рука, чтобы пристрелить ее, хотя было понятно, что она дико страдает и что с такой раной все равно обречена.

– И что?

– Ничего, дошла бедная лошадка до самого Севастополя. Там с нее сняли сбрую, погладили, пожалели. Ездовые слезу пустили – лошадь-то даже напоить нельзя! А она молча отошла в сторонку, легла на землю и умерла.

Мы глядели пораженно на Кулера, хотя подобные истории он преподносил нам не впервые. Но, видимо, все ясно представили себе эту лошадь с жутковатой раной и, наверняка, сопоставили ту давнюю ситуацию с сегодняшней. Ксюша даже всхлипнула.

– Но там-то хоть война была, – скрипучим голосом проговорил Заяц.

– Вот именно – война, и оружия хватало, и остервенели все после поражения, а все равно пожалели, не пристрелили.

Тарас сплюнул далеко в сторону, нервно растер тощие ладони.

– Да уж... Там пожалели, а тут безо всякой войны точно звери какие. Даже хуже...

– Ну, не все же.

– Я про всех и не говорю, – Тарас сумрачно поглядел на свои ладони, словно потеряв их, обрел какую-то тайную подсказку. – По любому надо собрать побольше инфы об этом гадюшнике и выложить все в сеть.

– А дальше что?

– Петицию организуем, подписи собирать будем.

– А что, люди подпишут! Тысяч сто запросто наберем.

– Может, и наберем, только Тихона к тому времени пять раз успеют закопать, – Виктор удобнее положил загипсованную ногу и невольно поморщился.

Я покосился на его гипс и сумрачно поинтересовался:

– Врачи-то что сказали? Жить будешь?

– Буду, не волнуйся. Обычный перелом голеностопа. Еще и растянул мощно. Опухло все к черту...

– Как ты так умудрился?

– Дурное дело – нехитрое, – Виктор криво улыбнулся. – Это мы по крыше ползали, дыру искали, но там ведь железо кругом, грохочет все – вот нас и услышали. Как охрана переполошилась, мы по той же березке вниз сиганули. Я первый, Серега за мной. Только я сорвался, ногой вдарился о какой-то пень, а Серый увидел такое дело и отвлекать их бросился. Забежал на другую сторону крыши и спрыгнул – чуть ли не к ним в руки.

– Спрыгнул? – ахнула Ксюша. – Он же все на свете мог себе переломать.

– Мог, – согласился Виктор. – Но не поломал. Так и поскакал от них сайгаком. Ну, они за ним и рванули.

– А ты?

– Я ползком, ползком – и выбрался оттуда. Допры-

гал на одной ноге до шоссе, а там попутку тормознул. Хорошо, мужик нормальный попался, вник в положение. Он и доставил в больничку.

– А Серегу, значит, сцапали?

– Скорее всего, – Виктор сердито прищурился. –

А что я мог сделать – с такой культей?

– Да ладно, никто ведь тебя не обвиняет. Ясно, что ситуация тупиковая была, – успокоил его Кулер. – И Серый не дурак, совет им что-нибудь.

– Мы с ним так и договаривались, – кивнул Виктор. – Если поймают, скажем, хотели на зверей настоящих посмотреть. Короче, под дурачков сыграть, и все такое...

– Думаешь, отпустят его?

– Отпустят, куда денутся, – Виктор нахмурился. – Кренделей, конечно, навешают, но зачем он им сдался?

– А нам теперь что делать?

– Откуда я знаю? Времени-то совсем ничего осталось, и я, ослина, без ноги теперь.

– Значит, умрет Тихон? – тоненько спросила Ксюша.

– С каких это щей! – я почувствовал, что дрожь моя переходит во что-то иное. В отчаяние какое-то, что ли. Или ярость неуправляемую. – По любому, Тихона надо освобождать.

– Как освободить-то? – изумился Заяц. – Что мы можем? Виктор, сам видишь, не боец. Сергуню прищучили, и охрана там теперь в оба будет смотреть.

– Ну, Серегу-то по любому отпустят, это ладно, а вот Тихона нашего... – Виктор не договорил. Все сразу поняли, что он вот-вот заплачет. Ну, не заплачет, так голосом как-то состояние свое выдаст. Оно и понятно, нервы он сегодня изрядно потрепал. И вроде как руководил нами, подбивал на все эти дела, а тут сам и подвел. Мне сразу стало тошно. За него, за всех нас. Аж горло засадило. Еще и Тихона представил себе лежащим на земле, а вокруг стаю беснующихся псов...

– Значит, сами все сделаем. И Серегу заодно вырвем!

То, что выпалил это не кто-нибудь, а я сам, дошло до сознания не сразу. Только после того, как увидел, что все вокруг смотрят на меня, понял, что это и впрямь мой язык постарался.

– Чего уставились? Зря, что ли, пушки приготовили? Или Тихона не жалко?

– погоди, Эд, – Кулер даже правую ладонь поднял, чтобы меня успокоить. Видел, что я начинаю заводиться. – Как ты себе это представляешь?

– Так и представляю. Пока Тихона на арену не вывели, перехватим его в ангаре, загрузим к Тарасу в фургон и перевезем в спокойное место.

– Какое еще спокойное?

– Мало ли... Придумаем что-нибудь. Главное – от-туда его вывезти.

– А охрана в ангаре?

– А пушки с рогатками? – меня уже несло. – Или бу-дем дальше только по бутылкам пластиковым трени-роваться?

– У них не рогатки, – буркнул Заяц. – У них реальные стволы.

– И что? Уже кексанули? Тихона сегодня рвать на куски будут, а мы дома станем отсиживаться? А эти там еще и ржать будут, деньги на своих псин ставить, тотализаторы устраивать, на сотики всё снимать.

– Остынь, Эд, никто не кексует, но это серьезное бо-далово! – Кулер оглядел всю нашу компанию. – Это не старшаку по тыкве настучать. Тут, если поймают, в такой оборот возьмут – небо с овчинку покажется.

– Значит, нужно все так повернуть, чтобы не взя-ли... – я развернулся к Виктору и впервые заметил, что он смотрит на меня с удивлением. И не просто с удивлением, а с готовностью слушать и, возмож-но, даже подчиняться. Нет, правда, каким-то шестым чувством я вдруг понял, что главный теперь я. Не по-тому что сам себя назначил, а потому что все они го-товы были внимать моим словам – даже Виктор и да-же умный Кулер, а после идти следом – на амбразу-

ры, на стены и прочие баррикады. Сердце у меня совсем разогналось – прямо круги наматывало по грудной клетке. Все равно как мотоциклист в цирковом шаре.

– Делаем так, – я продолжал смотреть на Виктора. – Для начала нарисуй нам подробную схему этого гадюшника. Сумеешь?

– А чего рисовать, – Виктор достал из кармана свернутый вчетверо листок. – Мы с Серегой накануне распечатку сделали. С «Google maps». Тут все четко и понятно.

– Это со спутника, что ли? – я как всегда догонял с запозданием.

– Ясно, со спутника. Двадцать первый век на дворе, заглянуть можно, считай, в любой огород.

– А карта свежая? – поинтересовался Кулер.

– Примерно недельной давности.

– Ну, это нормально. За неделю там вряд ли что изменилось.

– Вот и мы туда по ней добрались. Все вроде похоже...

Самодельную карту живо развернули – прямо на Витькиной загипсованной ноге. Качество принтера оказалось неважным, однако особенности ландшафта все-таки просматривались без особого труда. Практически вся карта была покрыта лесом. Белыми ров-

ными шрамами в разные стороны тянулись дороги, в самом центре – словно паук среди паутины разместилась база нашего противника.

– Такая маленькая? – вырвалось у меня.

– Это только постройки, а изгородь с забором за лесом не видно, – пояснил Виктор. – Но она тут повсюду – метров сто или двести от зданий.

– Выходит, примерно такая окружность? – я наложил на мозаику зданий свою ладонь.

– Вроде того. Но мы весь его не обходили, так что не знаю – окружность там или квадрापед какой... Но вот здесь у них полигон, на котором зверей терзают, его мы видели. – Виктор ткнул пальцем в серый пятачок на карте. – Наш сарай чуть дальше, примерно где-то тут. Точнее трудно сказать, там этих домишек, как грязи.

– Та-ак... – в волнении я утер рукавом лоб. Гениальные, да и просто толковые идеи решительно не появлялись. Зато мелькнула мысль проще: в самом деле, чего корчить из себя полководца, когда тут столько голов! Выслушаю всех и выберу лучшее из предложений.

– Значит, так: объявляем мозговой штурм, – выдал я. – Цель – расписать все по ролям и по времени. Тарас возьмет у отца машину, и сразу выдвигаемся... Как, Тарас, получится у тебя с фургоном?

Тарас, отец которого держал гараж с тремя автомобилями, не слишком решительно кивнул. Он и раньше нас катал по разным тусовкам, но тут, понятно, риск был совсем иной.

– Только номера надо будет на въезде замазать. Ну, и вообще – если что, папахен меня заживо съест.

– Значит, имеется еще один повод сделать все четко и правильно, – воздух во мне клокотал, словно лава в созревшем вулкане. – Короче, через полчаса у нас, кровь из носу, должен быть готовый план операции. Иначе профукаем Тихона. Профукаем и никогда себе этого не простим.

Надо было сказать что-то еще – значимое и важное, и на выручку как всегда пришел Леха Кулер.

– Для военной операции время – это все! – торжественно проговорил он. – Герцог Веллингтон, конкретной даты не помню.

– Неважно, – подытожил я. – Главное – сопли не жуем и шутки не шутим. По любому, жизнь Тихона зависит сейчас только от нас. Есть возражения?

Но об этом моих друзей можно было и не спрашивать. Возражений не было.

Глава 5 Авто-бросок к цели

С кем только не сравнивали людей, каких эпитетов для них не выдумывали, – и воины они, и странники, и цари, понимаешь, природы. Мне же они частенько представлялись обыкновенными шахтерами. Долбили чем ни попадя по стылому времени, зарывались вглубь, искали смысл жизни – и так не одно тысячелетие – старательно, кропотливо и бестолково. Поскольку все равно найти ничего не получалось. И даже когда начинало казаться, что вот оно – главное, наконец, проблеснуло, обязательно происходило какое-нибудь дурное событие – и все тут же летело в тартарары.

кой, играл на флейте и скрипке. Еще и плаванием увлекался – в республиканских соревнованиях призы завоевывал. А в итоге ушел в армию, попал в горячую точку и погиб. Где и как – неизвестно. Пацаны шептались, что где-то на южной границе. Но меня более всего ужаснула напрасность его мук: красный диплом, экзамены, спорт, музыка, бессонные ночи перед экзаменами – и все ради чего? Чтобы умереть от пули тупого наркокурьера? На его родителей я и смотреть теперь не мог спокойно. Если замечал издали, старался незаметно прошмыгнуть мимо. Казалось, они на глазах стареют и усыхают. А чтобы улыбаться там или шутить – такого я за ними уже не замечал. **Нет, правда! – вот был**

у нас в подъезде сосед Олежа – с пятого этажа. Вежливый такой, плечистый. Здравовался со всеми – даже со мной, малолет

Теперь вот и мои друзья ехали спасать медведя, крупно при этом рискуя. Чем думали – непонятно! А не выступи я со своим дерзким предложением – сидели бы сейчас по домам, смотрели телевизоры, хрустели чипсами. Конечно, переживали бы, зато точно остались бы целыми. Отец как-то мне выдал: «Чтобы друзья на одном берегу – да еще на всю жизнь – это фантастика, Эд. Чаще всего берега расходятся, реки превращаются в моря, а родные лица теряются вдали. Это, грустно, Эд, но это жизнь...» Наверное, он был прав, но от этих мыслей мне всякий раз становилось безумно тоскливо. Потому и спорить начинал с отцом, насмешничал вовсю – говорил, что все это фигня и неправда. Хотя про себя понимал: все так и есть, придет время – мои друзья тоже уплывут в неведомое далеко. И даже не по своей воле – это река жизни разбрасывает их по разным островам. Возможно, из всего прошлого – надежного и любимого – только одни родители и останутся. Грустно, правда? Так и получалось, что эти минуты, несмотря на всё их безумие, можно было считать лучшими и золотыми. Потому что мы были все на одном берегу, потому что несла нас одна река, потому что роднила одна

цель. И уже сейчас я с ужасом понимал, что начинаю тосковать по ним! Боб, Кулер, Заяц, Ксюха, Серега, Виктор и Тарас – все они покинут меня, разбредутся по жизненным лабиринтам. Когда-нибудь. Но как хорошо, что еще очень и очень не скоро...

Минивэн резко притормозил, нас всех качнуло вперед.

– Блин, кошка!

– Черная, что ли?

– Пегая.

– Еще скажи – борзая. Чего тормозил тогда? Вот бы кто ехал за нами – вписался бы в зад...

Тарас вновь набрал скорость, включил плеер. Аудиосистема у него всегда была в боевой готовности – артиллерийским залпом по ушам ударил музон. Именно так – не песня, не мелодия, а музон. Возможно, это нам сейчас и требовалось – для поднятия духа, для создания должного настроения. А уж водителю это нужно было в первую очередь.

Встряхнувшись, я посмотрел вперед – на коротко стриженный затылок Тараса. Мы летели уже по шоссе, скорость была точно за сотку. Легко заглушая рев дизеля, хрипел и надрывался Нодди Холдер, мощно бил ударник, и редела бас-гитара. Тарас любил такие композиции; своим «У-ля-ля» парни из группы «Slade» подогревали нашего водителя круче любого

энергайзера, и я его отлично понимал: Тарасу было вдвойне страшно. Мы-то чем рисковали? Только собственной никчемной шкуркой, а он еще и за машину отвечал. Пусть старенький, но вполне исправный «Citroen Jumper» и сейчас стоил не менее трехсот тысяч. Не миллион, конечно, но нашей компании и такое бабло пришлось бы отрабатывать не один год. Даром, что название имело бездну переводов, примерно также обстояли дела с эксплуатацией; машину использовали для перевозки пассажиров и всевозможных грузов, в ней жили, как в походном домике, и в ней же мы прятали свои немудреные подростковые секреты. Английский язык – штука хитрая: «to jump» означает «прыгать», а «jumper» – это уже и прыгун, и матросская блуза, и джемпер с ручным буром и даже передвижная мишень – словом, кому что нравится. Верно, с таким прицелом производители и подбирали машине имечко. Но сейчас это обилие имен нам ничего не давало, поскольку батя у Тараса был далеко не кремово-ванильный и на автомобили смотрел сугубо утилитарно. Он и сына своего растил по-спартански: гонял на утренние пробежки, записывал в разные секции, на тех же машинах выучил ездить чуть ли не с девяти лет. А вот на любовь Тараса к рисованию смотрел скептически и все робкие намеки сына о художественной студии решительно пресе-

кал. В школе у Тараса дела обстояли неважно, оценки были так себе, но с отцовскими заданиями он как раз справлялся. Да и на машинах любил погонять. При этом рисковал не сильно, благо всегда был длинным и вполне смахивал за взрослого. Про таких раньше говорили: «верста коломенская», – вот и в классе у нас он был выше кого на голову, а кого и на две. Да и размазней его никто бы не назвал – умел и дерзить, и отпор давать, и взбрыкивать. Словом, вполне соответствовал своему имени. Имя «Тарас» мне, кстати, нравилось. Не то чтобы совсем уж редкое, но какое-то надежное, основательное. Понятно, в школе его дразнили тарасом-тарантасом, но не столь уж часто, поскольку книг не читали и слово «тарантас» большей массе было неизвестно. А скажем, Тарас-фугас звучало и вовсе солидно, какие уж тут обиды? Ну, а когда Тарас вымахал в михалковского «Дядю Степу» и на день рождения всем одноклассникам подарил по портрету, о дразниловке вовсе забыли. Я тогда в гороскоп не поленился заглянуть, узнав, что имя «Тарас» увязывается разом с «мятежником», «смутьяном» и «спасателем». Таким наш Тарасик и был. Другой бы, пожалуй, не рискнул задолго до совершеннолетия погонять на машине по городу. По причине высокого роста проблем на дорогах у него обычно не возникало, тем более что с любой тачкой Тарас управлялся ма-

стерски – никого не подрезал, обгоны совершал стремительно и аккуратно, на дороге угадывал все выбоины и камушки, а полицейские радары чуял безо всякой аппаратуры. Тем не менее, отца своего он боялся. Тот мог и пендаля дать, и ремнем наказать. После того, как Тарас остался на второй год и оказался в нашем классе, отец все его кисти-карандаши на помойку выбросил, а после еще заставил по вечерам работать у себя в гараже – да не просто грязь подметать, а чинить чужие моторы, править вмятины и менять колеса. Зато и поощрил потом по-царски. По каким-то своим каналам организовал сыну досрочную сдачу экзамена, и парень получил права уже в 14 лет. Разве не круто? Батя и таксовать ему позволял – так что город с ближайшими окрестностями Тарас выучил, как свои пять пальцев. У художников – у них ведь со зрительной памятью полный порядок, вот и Тарас на наших улицах ориентировался как рыба в воде. И деньжата у него обычно водились – не родительские, а свои кровно заработанные, так что всегда мог выручить. Это нам, лопухам, можно было сдавать всего лишь на подростковую категорию «М», у Тараса же был полный боекомплект документов на категории А, В и С. Он и на тракторах успел погонять, и с автокраном мог управляться – разве что экскаваторы еще не водил, да бэтээры с танками...

Шоссейка осталась позади, нас ощутимо закачало и затрясло.

. – Эй, водила, не дрова везешь! Be more careful! – заорал Боб. Это он себя и нас таким образом поддерживал. Трясло-то нас, понятно, не от дороги, а от того, что мы собирались сделать. Один только Леха Кулер был, пожалуй, спокоен. А может, сумел отвлечь себя важным занятием. Не обращая внимание на вздрагивающий на ухабах фургон, он вырезал ножницами дырки в черных вязаных шапочках, сооружал баллаклы. Самую первую тут же натянул на себя Боб и сразу стал похож на киношного спецназовца. Разве что подозрительного тощего. Глядя на него, я тоже постарался отвлечь себя посторонними мыслями. Например, попытался вспомнить, почему нашего Вовку прозвали Бобом. Ведь, правда, Вовкой его никто не звал, хотя имя-то вполне нормальное – самое, пожалуй, российское по нынешним временам. И Ульянов у нас Володей был, и Шарапов из знаменитого фильма, и нынешний президент Это раньше на Руси гуляли сплошные Ивановы, теперь чаще встречались Вованы. Удобное такое имечко, склонять можно как угодно – Воха, Вовчик, Вава, Вольдемар, Вовк... Однако почему-то не приклеились они к Бобу. Как перешел в нашу школу в третьем классе, так сразу и стал Бобом. То ли за любовь к английским словеч-

кам, то ли за привычку высказывать, где не просят. Хотя по большому счету Вовка ни вредным, ни злым не был. Видимость боевую создавал – это точно, погорланить любил, права покачать, но обычно получал больше сам. Все знали, что даже при игре в футбол Боб чаще стоял на воротах, но и там мячи пропускал с завидной регулярностью. Зато орал всегда так, что все понимали: без Боба и футбол не футбол, и урок не урок – и вообще скучно было бы жить без Боба.

Я ощупал свои карманы: за пазухой – пара бананов и сахар для Тихона, аэрозоль с перцовкой в правом боковом, в левом покоился туго набитый мешочек – соль напополам с обычным песком. Это нас Кулер научил. Он-то по своей интеллигентской внешности нередко попадал в мутные истории. Очень уж тянуло окрестное быдло на аккуратного мальчика. Ну, а мальчик жертвой быть не хотел и как та птица Говорун из книги Булычева, отличался умом и сообразительностью. Где-то вычитал и взял на вооружение – песок в пригоршню – и точно в харю. А на две хари – два броска. Ну, а дальше – ноги в руки и во весь дух куда подальше. Его и ловить пытались, а он все тем же песочком отбивался. Раз камнями пытались забросать, так он и тут всех переиграл. Руки-то на тренировках набил – сам закидал бедных агрессоров – еле ноги унесли. Короче говоря, если на носу очки, и походка, как

у стажера ботаника, всегда найдутся желающие поговорить на тему «не той прически, неправильных ушей или кроссовок девчоночьего цвета». Вот и пришлось премудрому Кулеру братья за щит и меч...

Я снова ощупал карманы. Песок с аэрозолью – хорошо, но из серьезного вооружения мы тоже кое-что прихватили. Во-первых, рогатки с железными шариками, а во вторых две мощные картофелепушки. Заяц хотел стартовый пистолет взять, но передумал, очень уж не хотелось шуметь. Да и есть шанс, что на наш шумовой «бабах» в ответ пальнут настоящей дробью, а то и пулями. Насчет пневматики мы тоже крепко поспорили. Я полагал, что остановить это никого не остановит, а вот разозлит запросто. Но у Кулера дома имелся пневматический «Маузер» – один в один, как настоящий, разве что стрелял металлическими шариками, и Леха считал, что ради видимости его следует взять. В итоге решили – пусть берет, хотя наши картофелепушки его пневматику стопудово перевешивали. И вид у них был устрашающий, и лупили они метров на двести. Конечно, профессиональные маркеры с пейнтбольными шарами были бы не в пример удобнее, но о такой роскоши нам приходилось только мечтать. Да и, честно сказать, уступая в темпе стрельбы и компактности, наши картофелепушки били на порядок мощнее. Помнится, Вань-

ка Изотов из класса, дурачок такой, вызвался на себе испытать самодельную пушку – геройски ладонь подставил! А Боб, не особо задумываясь, со всей дури и влупил. Ох, и поорал потом бедный Изот. Хорошо, не поломал себе ничего и пальцев не лишился. Но рука у него здорово распухла, он потом месяц не мог ни рисовать, ни писать, чем и пользовался на уроках, демонстрируя учителям свою перебинтованную кисть. Словом, била наша картофелепушка отменно! Схему, понятно, Кулер где-то в интернете сыскал, а после, купив нужных деталей, мы в несколько дней собрали в гараже у Тараса первый боевой вариант. Испытания проводили в лесу, и после третьего выстрела нашу самоделку разнесло в куски прямо в руках у Зайца. По счастью, обошлось без травм, но Кулер взялся дорабатывать конструкцию и в итоге довел ее до вполне приемлемого качества, снабдив рукоятью от пьезозажигалки и усовершенствовав систему подачи горючего газа.

Для чего мы брали с собой эти агрегаты?

А что нам было еще брать? Кухонные ножи с ломиками? Да и чем еще можно было напугать здоровенных мужиков с настоящим оружием?..

Фургон трянуло сильнее прежнего, и сидящий за рулем Тарас обернулся.

– Все, Эд, скоро вытряхиваемся.

– Уже? – я подался вперед, пытаюсь через лобовое стекло рассмотреть обстановку.

– По навигатору до ворот четыреста метров, но мы уже на проселочной, – Тарас бедово улыбнулся в зеркало заднего вида. – Карта точная, и дорога вполне. Дождей-то давно не было.

Я напряженно выдохнул. Это во многом облегчало задачу. Если бы наш «Citroen Jumper» застрял, всю операцию можно было бы перечеркивать жирным крестом. Но дорога, пусть и проселочная, уверенно вела напрямиком к цели.

– Кажется, ограду вижу, – сообщил Тарас. Голос у него дрогнул. – Ну, что? Тараним?

– Давай! – я сухо сглотнул. – Мегафон у тебя под рукой?

– На месте, не волнуйся.

– Может, и не понадобится, но если что горлань, как договаривались.

– Лучше бы мне дали! – возмутился Боб. – Уж я бы им в матюгальник много чего наорал. И по-английски бы мог...

– Тебя расколуют, пацанчик, – безжалостно отрезал я. – И никакой английский не поможет. А у Тараса нормальный бас. Короче, ничего не меняем, действуем по плану!

– А если форс-мажор?

– Будем решать на ходу. Вон и Кулер что-нибудь подскажет. Верно, Леха?

Черная маска, за которой уже не угадать было Лехино лицо, чуть дрогнула. Возможно, Кулер морщился, а может, наоборот, улыбался.

– Подсказать-то несложно, только советы без интернета немного стоят.

– Здравсьте! А голова твоя на что? Она у тебя вдвое больше, чем у Изота! – возмутился Заяц. – Для того и взяли тебя, академик, чтобы ты думу думал и процессором скрипел...

– Кончили базар! – гаркнул я. – Больше не треплемся, никаких имен, и никаких смешочков.

– Да ясно все, командир, – огрызнулся Заяц. – Командуй, мы в теме.

– А в теме, значит, начинаем работать. Мы, типа, спецназ – так себя и ведем...

Глава 6 Типа, спецназ...

Изгородь и впрямь оказалась чахлой, никакого тарана не понадобилось. Тарас аккуратно повалил ее вместе с проволокой, хрустко примял покрывками. Еще минута, и мы катили уже по территории станции. Впрочем, станцией это место именовать не хотелось. Какая там станция! Скорее уж – кладбище. Или хоспис для животных. Хотя внешне это напоминало обычную базу отдыха – обилие сосен, березки с рябиной, разбросанные тут и там щитовые одноэтажные домики. Никакого асфальта не наблюдалось, но гравий по дорожкам был рассыпан вполне аккуратно, да и за оконными стеклами красовались занавесочки. Выходит, жили тут свои аборигены, любители кровавых боен, а местная администрация наверняка продавала что-то вроде долгосрочных путевок. В довесок к соснам и целебному воздуху посетителей снабжали программками с перечнем животных, приговоренных к травле...

Мы проехали мимо группы людей с собаками на поводках, и бдительные псы немедленно нас облаяли. Не обращая на них внимания, Тарас продолжал спокойно рулить, поворачивая уверенно, словно так оно и было задумано. Вроде как обычный экспедитор –

приехал с партией пива и чипсов в местную харчевню. В конце концов, сигнализация у них отсутствовала, и нашего хулиганского эквилибра с оградкой никто не видел.

– Что-то маловато людей, – пробормотал Тарас. –

Похоже, все там толкуются – на полигоне.

– Так это нам на руку! Или я не прав?

– Прав-то прав, но вдруг Тихона уже увели?

На это я ничего не ответил. Да и что я мог сказать?

Никто из нас ничего толком не знал, весь план строился на рассказе Виктора и его карте. Сам он остался вместе с Ксюшей дома, хотя оба, понятно, рвались ехать с нами. Рваться-то рвались, только это мы даже не обсуждали, поскольку мест и без того было мало. А уж в компании с медведем станет совсем тесно. Да и куда Витьке с его ногай? В случае чего – даже не убежит. Поймают и посадят на цепь, как косялю. Ну, и Ксюхе мы тоже отказали. Это было как раз несложно – кому-то ведь надо было ухаживать за раненым...

– Сарай! – возбужденно шепнул Боб. Он тоже смотрел вперед, жарко дыша мне в плечо. – Кажется, тот самый!

– Все правильно, это сарайчик, – Тарас неспешно притормозил, еще раз сверился с картой и навигатором. – Других рядом нет, значит, Тихон здесь. *наш*

– А вон и эцелоп на крыльце. Только вроде без пушки.

– С чего ты взял, что без? – Тарас оказался более зорким. – Есть ствол – к столбу прислонен. Вон – рядом со столиком.

– Чего ж он его в руках не держит?

– А у него руки едой заняты.

и закусывал похожей на самсу булкой. Действительно, охранник, что сидел на крыльце в легком деревянном шезлонге, лениво попивал баночное пиво

Пассажиры фургона молча сопели, говорить решающее слово никто не спешил. Хотя возьми команду в свои руки любой из нас, его бы тотчас послушали. И Кулера, и Тараса – и кого угодно. Но мы молчали. Поскольку страшно было выталкивать из себя повелительные наклонения. Это вам не урок русского языка, и вместо двойки за все свои «повелительные» можно было запросто схватить кое-что пострашнее.

– Короче... – я сухо сглотнул. – Пока тихо, берем этого эцелопа в клещи. Если тормознем у крыльца да начнем выскакивать, он может за пушку схватиться.

– Может, меня выпустить? – предложил Боб. – Я удар один выучил – как у Джеки Чена. Ногой в горло...

– Перебьешься! – отрезал я. – Давай, Тарасик, тихонько рули за угол, там с тыла и вылезем.

– А потом?

лога на испуг. – Потом обойдем сарайчик и возьмем этого бандер

– А если не поведется? – снова высунулся Боб.

– Хорош каркать! – я рассердился. Потому что отлично понимал: если не напугаем охранника, могут начаться проблемы. Очень и очень серьезные. Серого с Виктором не было, и главным нашим бойцом оставался как раз Тарас. Но он сидел за рулем, цену же хваленным ударам коротышки Боба я знал отлично. Хоть и набивал он кулаки на макиварах и ногами учился махать, особыми успехами похвастать не мог. Словом, к осложнениям надо было готовиться изначально, хотя думать про это совершенно не хотелось. Да и поздно было отступать...

– Все, Тарас, двигай.

Наш фургон, плавно покачиваясь, тронулся вперед, немного не доезжая сарая, повернул направо. Умничка Тарас поступил хитрее – не стал останавливаться сразу, проехал значительно дальше.

– Услышит стук дверей – насторожится, – вполголоса пояснил он. – А вы выбирайтесь здесь. Я подожду пару минут и задним ходом подрулю к крыльцу.

– Годится, – я хлопнул его по плечу и понял, что ладони мои взмокли от пота. Ясно было, что даже если останемся в живых, посеем однозначно. – Все, парни, на выход!

Совсем беззвучно вылезти, конечно, не удалось, но снаружи никого не было, и это придало мне уверенности.

– Маски! Маски надеть! – шикнул я, рассмотрев, что Заяц все еще не натянул балаклаву. Он юрко подчинился. Один за другим ребята выскочили из машины на траву – Боб, Заяц, Кулер. Все трое, как и я, в камуфляже и балаклавах, двое в берцах, один в кроссовках, а я и вовсе в кедах. У Димона с Бобом в руках жутковатого вида базуки, у Кулера пневматический «Маузер», а у меня ничего, кроме толстого рулона скотча. Рогатка, песок и баллончик с перцовкой были не в счет, поскольку этим не пугаешь. Значит, и нечего их вытаскивать из карманов. Впрочем, на руки я натянул велоперчатки из кожзама. Зачем? А фиг его знает, но Кулер сказал, что все правильно – руки пацана от мужских крепко отличаются. И другим посоветовал такие же штуки надеть. Но больше ни у кого велоперчаток не оказалось, и потому на руки надели обычные матерчатые перчатки – из тех, в которых работают на огородах бабули. Короче, веселый был видок у нашей компании. Я бы сказал – шевбутной...

Вокруг шелестели сосны, распевали пичуги, где-то бойко стучал по дереву дятел. Жаль, не слышно было кукушки – нашли бы, о чем ее спросить. А может, и хорошо, что не было ее поблизости.

– Вперед! – шепнул я и первым на подгибающихся ногах бросился к сараю. – Кулер за мной, Димон с Бобом обходят справа!

Наверное, мы излишне поспешили: Леха и я добрались до «эцелопа» быстрее наших товарищей. Крыльцо было невысоким, и, перемахнув через перила, я очутился возле охранника.

м. – Ты... Ты кто, чувырло? – Черт! – он, раскашлявшись, подавился пиво

– Сидеть на месте! – рядом со мной возник Кулер, и ствол «Маузера» чуть приподнялся – совсем немного, целя в ноги, но не в лицо. Все-таки Леха молоток – даже в такую минуту сообразил, что нельзя светить ствол – любой вохровец сразу рассмотрит его лилипутский калибр. И сделает про себя надлежащие выводы.

– Стоять и не дергаться! – просипел я.

– Так мне стоять или сидеть? – продолжая кашлять, осведомился охранник. Он явно пытался шутить, но уже через секунду веселье сошло с его лица, потому что на крыльцо взобрались еще двое «чувырл» со своими жутковатыми картофелепушками.

и вытяни перед собой руки! И faster, my dear! Не зли меня. – Сейчас ты ляжешь у нас, шутник! – прошипел Боб и прямо в лицо ткнул мужику стволом картофелепушки. – Поставь пиво

Команды были предельно тупые, да и за английский хотелось дать Бобу крепкого подзатыльника, но что-то все-таки проклюнулось в голове мужика. Шутки кончились, он это понял. Брови его чуть сдвинулись, а руки нехотя поползли вперед. Он словно еще сомневался – подчиняться нам или все-таки попробовать повоевать. Но к этой секунде я уже отошел от своего коматоза и, ухватив вытянутые кисти охранника, торопливо взялся обматывать их скотчем.

– Сиди и не рыпайся! Где Тихон?

– Какой Тихон? – удивился мужчина.

– Медведь! – я снова начал заводиться, но это было даже к лучшему. Все-таки трястись от ярости – не то же самое, что от страха. Я прекрасно помнил, что именно такие вот откормленные служащие в скором времени собирались переломать лапы нашему Тихону, а челюсти намертво стянуть струной. Может, и этот взялся бы им помогать – вон ручищи какие здоровые.

– Где медведь? – повторил я.

– В клетке, где же еще? Вам-то он зачем сдался?

– У вас на него нет лицензии, – выпалил Кулер. – А у нас есть!

Не знаю, насколько убедительно это прозвучало, но никого убеждать мы и не собирались. Покончив с руками, я нагнулся и взялся приматывать скотчем

ноги охранника – прямо к ножкам шезлонга. Задним числом сообразил, что выглядим мы со стороны предельно глупо: нелепые фигуры в балаклавах, с непонятными агрегатами в руках – стоим себе и стреноживаем толпой одного-единственного сторожа.

– Ключи от сарая! – шикнул я.

– Какие ключи?

– Непонятливый, да? – Боб снова дернул своей картофелепушкой, и мужчина опасно отодвинул голову.

– Вы часом не заигрались, щенки? Уже завтра вас всех найдут. Сначала ножонки вырвут, а после в землю закопают...

Он умолк, потому что я ухватил его помповик, не касаясь курка, ткнул стволом в объемистый живот.

– Сейчас ты у нас всласть наговоришься! Храбрый, да? В героя поиграть решил?

– Эй, парень! Осторожнее с этим...

– Я сказал: ключи!

– В кармане ключи. В правом.

– А от клеток?

– За дверью на гвоздике висят – связка такая.

Заяц шустро обыскал мужчину, нашел пару ключей.

– Эй! Желтый – это мой. От квартиры...

Димон отстегнул ключ, кинул на столик.

– Когда придут за медведем?

– Откуда мне...

Я рывком приблизил свою балаклаву к его лицу – так, что он отшатнулся. Точнее попытался это сделать. Помешал ствол картофелепушки, прислоненный к его затылку.

– Тебя русским языком спросили. Когда? За ним? Придут?

– Я точно не знаю... У них же там всегда по-разному. Если закончат, как обычно, могут через полчаса явиться. А может, и раньше управятся.

Сунув тяжелый помповик Кулеру, я заклеил скотчем рот мужчине.

– Все, родной! Молчание – золото, помнишь еще?.. Ты, – я кивнул Кулеру, – останешься здесь, а вы за мной!

Возиться с дверью, по счастью, не пришлось. Ключ легко отомкнул замок, мы проникли в сарай.

– Ну, и запашок!

– Блин! Фонарь-то не взяли...

В темноте я шагнул вперед и споткнулся о какую-то доску. Про фонарь мы и впрямь не подумали. Но парни энергично зашарили по стенам справа и слева и скоренько отыскали выключатель. Вспыхнул свет, и по помещению тут же разнеслось многоголосое рычание. В клетках, стоящих справа и слева, заметались

лохматые тени.

– Сколько их тут!

Я тоже нервно закурил головой. В основном за решетчатыми преградами сновали волки и лисы. Со всем как в зоопарке, только выглядели они гораздо хуже. Тощие, облезлые, неухоженные...

– А вон и наш мишутка! Эй, Тихон! Мы здесь...

Я сорвал с себя балаклаву, чуть ли не бегом припустил по проходу. Черно-бурая масса пришла в движение, и цирковой наш товарищ сунул меж прутьев темный нос.

– Тихоня, узнал нас, красава! – я лихорадочно шарил за пазухой бананы с сахаром, все разом сунул ему в пасть. По счастью, клыки ему вырвать не успели, наш «михал потапыч» шумно зачавкал.

– Что, нравится? Здесь-то, небось, не кормили ничем?

– Эд, он вроде как стонет...

Я сам обратил внимание, что ведет себя Тихон как-то не так. Вроде и чавкает, но с какими-то нехорошими вздохами – точно и впрямь пристанывает.

– Ешкин кот, смотрите! По ходу, ему лапы уже обрабатывали!

Я присел на корточки возле клетки. В самом деле, когти, которые в цирке и зоопарках лишь аккуратно подрезают да обтачивают, у Тихона были срублены

под корень. И видно было запекающуюся кровь на лапах. Опираясь на них Тихон явно остерегался, и вывод напрашивался самый безрадостный: как и говорил Виктор, лапы зверю успели перебить. Как они это делали – битами, стальными прутами или чем-то еще – я даже не в силах был себе представить. Но от одной мысли о такой экзекуции меня передернуло. Неудивительно, что Тихон глодал бананы и едва слышно постанывал. Мы на его месте, наверное, в голос бы выли.

– Ключи от клеток, – Заяц сунул мне в руку увесистую связку. – Только дальше-то что?

Он не договорил, но я понял. Этот момент мы и впрямь не очень себе представляли. Вызволить Тихона, а дальше? Мы ведь не дрессировщики и никогда с ним не общались вне клетки. Первоначально Серега предполагал, что перед экзекуцией медведя усыпят, и тут-то мы и нагрянем. Но время все поломало, и ясно было, что никаких ампул со снотворных нам здесь не предложат. А если и найдем, то кто будет ставить укол и сколько придется ждать? И потом – что делать со спящим Тихоном? Особым толстяком он, конечно, не был, но наверняка весил килограммов за двести. Даже окажись здесь подходящие носилки, нам было бы их не поднять.

– Может, спросить у того клоуна, как они собирались его забирать?

– Думаешь, он скажет?

– Может, и скажет, только что толку, – я помотал головой. – Думаю, способы у них тут изуверские. По любому нам придется поступить иначе.

– Как?

– Ну... – я понял вдруг, что сейчас скажу страшное. – Он же узнал нас, сами видите...

– И что?

– Я просто открою клетку и выпущу его.

– С ума сошел?

– Ты можешь предложить что-нибудь поумнее?

– Эд! Он же хищник! У него же эти... Инстинкты!

Уверен, что он не кинется на нас?

Я честно пожал плечами.

– Вот-вот! А его тут уже крепко обидели.

– Не мы же.

– Думаешь, он будет разбираться? Все-таки он – животное...

– Вы вот что... – я старался говорить ровно, но смотрел все равно чуть в сторону, опасаясь встретиться глазами с ребятами. Боялся, что дрогну в последний момент, что уговорят и уломают. – В общем, отойдите подальше, а я ему сахар дам, выпущу и поведу на выход.

– Эд, ты рехнулся! А если он не пойдет?

– Ну, да. У него ведь лапы перебиты.

Я понял, что снова свирепею. Делать-то было все равно нечего, а эти двое еще и давили на психику. Будто я сам не боялся и не сомневался! Но выбора-то у нас по любому не было. Раз уж пришли да решились, то нечего было и нюни распускать.

– Шагайте на крыльцо, а мы за вами подтянемся.

– Эд, давай другое что-нибудь придумаем! – Димка Зайцев это почти пропищал. Хорошо, охранник его не слышал – вот бы поржал да похрюкал в свой скотч.

Я взглянул на медведя. Он уже не жевал, шумно всхрапывал, глядел на нас и, казалось, прислушивался к разговору. Может, даже что-то такое понимал. Но как в цирке меня снова поразили его глаза – бесконечно тоскливые, с предательской влагой в самых уголках. Словно Тихон понимал, о чем мы тут сговариваемся, что застряли в полшаге от того, чтобы бросить его и свалить. А еще я рассмотрел на его морде белесые соляные дорожки – от глаз до самой груди. Черт! Сколько же он тут плакал днями и ночами! Может, сны какие видел – про цирк, про манеж, про своих друзей. Возможно, и мы к нему приходили в этих снах – вот так же – в роли долгожданных спасителей, а теперь приперлись наяву и включили обратный ход. Потому что самым банальным образом перепугались. И не кого-то там, а самого Тихона, которого как раз и собирались освободить...

– Все, – сипло проговорил я. – Идите, я его к вам приведу.

– Эд, погоди...

– Как сказал, так и будет! – я решительно начал перебирать ключи на связке, и ребята шарахнулись от меня прочь, торопливо засеменили к выходу.

Стоило мне вставить подходящий ключ в замок, как совсем рядом заскулил енот. Этот, видать, сразу просек все до единой ноты. И ясно было, что он уже побывал в деле, на собственной шкуре оценив все прелести собачьей травли. Даже густая шерсть не могла скрыть следов ссохшейся крови и свежих ран. Можно сколько угодно сомневаться в наличии разума у животных, но этот зверек стопудово понимал, что именно я собираюсь делать. Подобно Тихону он тоже не хотел умирать – потому и метался по своей клетке, шурша и поскуливая, то и дело вскидывая на меня свои черные умоляющие глазки. И последний олух понял бы, о чем он просит, на что надеется. А я и не собирался ломаться. В самом деле, если собираешься освободить огромного медведя, глупо бояться кроху енота. Я отворил обе клетки, но первым дал свободу еноту. Он выскочил не сразу – лишь с третьей попытки – словно боялся поверить улыбнувшейся удаче. Сперва сделал шагочек вперед, тут же шарахнулся назад, черными глазенками стрельнул в мою

сторону, словно проверял, не караулит ли его какой подвох.

– Иди, иди, герой, – буркнул я. – Времени мало.

Он словно услышал меня – собрался с духом и юркнул за порог. В проходе тоже не растерялся – недолго думая, дунул вслед за моими друзьями. Я понадеялся, что это послужит примером и Тихону.

– Ну? – я посмотрел на медведя и медленно отворил скрипучую дверцу. – Не слопаешь меня?

Нет, лопать он меня не собирался, но и выходить на волю тоже не спешил. Мы сидели напротив друг друга, и впервые между нами не было никакой преграды. Было до жути страшно, но еще страшнее было то, что он мог так навсегда и остаться здесь. А я по сию пору понятия не имел, как выманить его наружу – да еще посадить в наш фургон. Только сейчас мне стало ясно, что весь наш план был сплошным мальчишеством. Наивные глупыши, решившие восстановить справедливость с помощью двух картофельных базук...

А еще я ни на секунду не забывал, что добрый и плюшевый Тихон – все-таки не хомячок и не морская свинка. Большущий зверь глядел сейчас на меня, и, конечно, продолжал страдать от боли в перебитых лапах. И кто бы осудил его за то, что обиженному на людей мишутке вдруг захотелось бы дать ответ-

ку? Какая разница – кто ломал лапы, кто обижал? Возможно, для медвежьего племени все мы были на одно лицо – отвратительно гладкокожие и круглоголовые, с нелепыми нашлепками вместо носов.

– Ти-ихон, – ласково протянул я. – Тихо-оня мой добрый. Краса-авец... Пойдем со мной прогуляемся, а? Ты же знаешь, как мы тебя любим. И машинку для тебя приготовили. Ты ведь у-умный, ла-асковый – все на свете понимаешь...

Все это я даже не говорил, а почти распевал, и медвежья голова вдруг медленно-медленно потянулась ко мне. Замерев, я ошарашено замолчал, и в следующую секунду шершавый горячий язык мазнул меня по левой щеке, и еще раз – уже по правой. Господи! Я чуть не умер! Сначала от страха, а потом от жаркой признательности. Потому что все получилось, и я мог поклясться, что Тихон меня понял! Понял и принял! И сны он про нас тоже наверняка видел, и верил, что рано или поздно кто-нибудь придет за ним. Вот мы и пришли! Отныне я был уверен, что ни грызть неуклюжего спасателя, ни мстить кому-то из моих друзей Тихон не станет. Никаким туповатым зверем он не был и точно понимал, кто есть кто. Тем более что наш Тихон был не просто медведем, а цирковым артистом, и, как я уже говорил, вместо одноядерного процессора давненько носил в голове нечто более мощ-

ное.

– Пошли, мой хороший, я помогу... Выбирайся, тут совсем недалеко. Смоемся из этого гадюшника, а после доставим тебя в нормальное место...

Он снова лизнул меня в щеку, и я вспомнил те знаменитые кадры с англичанином Ричардом Уисом, что в несколько дней облетели всю сеть. На них огромный лебедь доверчиво обвил шею спасителя своей, а голову положил мужчине на грудь. Это при том, что характер лебеда немногим нежнее медвежьего...

– Давай же, Тихон! Надо выходить отсюда, – я поманил его руками и чуть отодвинулся.

С тяжелым стоном, мохнатый пленник оперся на передние лапы, двумя судорожными рывками выполз из клетки.

– Молодец, Тихон! Молодчага!

А он тем временем на несколько секунд припал к полу, словно пережидая приступ боли и собираясь с силами.

– Как они тебя, бедненького! – я робко погладил зверя. Шерсть медвежья была далеко не шелковистой, да и грязи на ней хватало, но сейчас я не обращал на это никакого внимания. – Давай, Тихон! Ты ведь можешь. Вставай на задние лапы и доберемся до фургона... Как там у вас говорили... Але оп!

Тихон поднял голову, качнулся всем телом и вне-

запно стал подниматься. Прямо как кит из океана. Я до двух сосчитать не успел, как он полностью выпрямился. Да!! Он стоял на задних лапах и был теперь выше меня на целую голову!

– Ай, красава! – я осторожно попятился. – Ай, молодец! Давай за мной, Тихон! Уходим отсюда. Всего-то несколько шажков...

Волки, кабаны и прочие зверюшки в своих клетках пришли в неистовство. Метались и тыкались мордами в прутья, скреблись и поскуливали. Но я старался на них не смотреть. Ну, правда, не могли мы всех выпустить. Кроме того, эти ребятки были вполне способны меня сожрать. Их, как ни крути, привезли не из цирка, а прямиком из леса...

Когда мы выходили на крыльцо, меня можно было смело выжимать, лицо, спина – все было мокрым от пота. Но Тихон продолжал шагать за мной, и я уже не сомневался: главное чудо произошло, и теперь у нас все получится...

Глава 7 Я допрашиваю врага

На крыльцо мы вышли, точно на цирковую арену. Даже связанный охранник задержался и заегозил в своем креслице, силясь отодвинуться от нас подальше. Только Боб с Зайцем не позволили ему опрокинуться. Впрочем, и они ошалело смотрели на моего высоченного соседа. Стоящий на задних лапах Тихон был, в самом деле, прекрасен.

– Ну, ты даешь! – тихо проговорил Кулер и тоже отступил на шаг. Даже через балаклаву было видно, что рот у него приоткрыт.

– Все нормально, своих он не трогает, – я погладил медведя, а он, скрипуче переступив, с кряхтением опустился на перила. Стоять ему, бедолаге, было тяжело. Мне показалось, что он дрожит. Ну, да! – озноб волнами проходил по крупному телу – теперь я отчетливо ощущал это и ладонью. На миг мне даже захотелось обнять Тихона. И обнял бы, если б не тарачившийся на нас охранник.

– Енот вас не напугал?

– Что? Ах, да, енот... Да нет, мы поначалу вовсе подумали, что это кошка, особенно и не смотрели.

– А где фургон? – спросил я.

– Да вот он, уже подъезжает, – Боб спрыгнул

с крыльца, взмахнул своей картофелепушкой. Из-за угла показался «Citroen Jumper», наш железный скакун и бегун, на который мы возлагали все свои надежды. Осторожно газуя, Тарас подогнал наше авточудо вплотную к ступеням, Боб проворно распахнул задние дверцы.

– Полезет он? Сумеешь уговорить?

Вопросы были обращены ко мне, но я помалкивал. А что тут можно было сказать? Да, Тихона я вывел, но на волю выходить – это одно, а упихивать зверя в тесный автокороб – совсем другое. Но и задерживаться здесь было нельзя. По сути, мы стояли на самом виду, и каждая жилочка во мне сейчас исходила заячьей дрожью. Все висело на волоске, и в любой момент могло случиться непредвиденное. Хотя главным непредвиденным событием являлась на сегодняшний день наша несуразная команда. Лилипуты, осмелившиеся воровать пирожок у Гулливера... Да блин! – если бы не Тихон и не та жесть, которую собирались с ним сотворить здешние хозяева, сто раз мы бы еще подумали. Только вся штука крылась в том, что папы и мамы воспитывали нас несколько иначе. В детском саду и в школе, с экранов телевизоров и отовсюду нам без устали твердили, что животных надо любить, а природу всячески оберегать, что если кому-то больно, нужно вставать на защиту и пытаться помочь.

Вот мы и пытались. Потому что чувствовали и знали: случись сегодня с Тихоном страшное, и для нас рухнет всё. И весь мир, и наша дружба, и вера во что-то первостепенное, на чем, как на трех пескариках еще покоилась наша большая планета.

– Серегу бы еще как-то забрать... – пробормотал Боб.

Я мысленно ахнул. А я-то про нашего товарища забыл! Немудрено при таком-то напряге.

– А где он?

– Мы этого обормота пытались спрашивать. Скотч даже сняли...

– И что?

– Ругается, гад. Угрожает...

– Вон оно как, – я повернул голову. Связанный охранник криво улыбнулся. Пыжился, герой – понял уже, что никаким спецназом тут не пахнет. Сявки пришли малолетние, любители пепси-колы и соленых сухариков. Вот только гадостей от него я что-то пока не слышал. Да и во взгляде его я уловил проблеск неуверенности. Нет, не нас он испугался – Тихона. Знал, что тут ему может по-настоящему обломиться. Такой зверюга и без лап головушку в два счета открутит.

– Сейчас он нам все скажет, – я наклонился к лицу мужчины. Балаклавы на мне не было, мы смотрели

друг на друга в упор. В редком ежике волос на его голове я разглядел седину.

– Дети, наверное, дома есть?

– Уж всяко постарше и поумнее вас, – процедил он.

– Значит, некому будет плакать, если умнее, – я недобро прищурился. – Ты, гопник, думаешь, мы играть сюда приехали? По глазам вижу, что именно так ты и думал. Только я ведь скажу сейчас «фас», и все закончится. Во всяком случае, для тебя. Догадываешься, что может произойти?

Лицо у мужчины посерело, он явно догадывался.

– Ты этого не сделаешь, – тихо сказал он.

– Правильно, никто из нас этого не сделает, – я некрасиво оскалился. – Причем мы тебя и пальцем не тронем. Все сделает он. Легко и просто.

– Не надо, парень...

– Значит, веришь, что это возможно?

– Верю.

– Правильно делаешь, – похвалил я. – Потому что медведи злопамятны, это во всех энциклопедиях написано. И врагов своих они отлично запоминают, а таких, как ты, на раз перекусывают.

– Слушай, – губы у мужчины дрогнули. – Я ведь не трогал вашего медведя, клянусь чем угодно! Зачем мне это, сам подумай! Мое дело – сторожить, вот я и сторожу.

– Ладно, допустим. А кто трогал?

– Ребята с полигона. Там у нас целая команда.

– Знаешь имена, фамилии?

Мужчина сглотнул. Разговор пошел жесткий, становится стукачом ему явно не улыбалось.

ами, меж прутьев вытягивали и ломали. – Они приходили вчера, уколы ему какие-то ставили, а потом... Потом лапы цепляли веревк

– Ты, значит, смотрел и наслаждался?

– Да нет – слышал. Ну, и это... Раньше приходилось наблюдать. Перед серьезными боями часто так делают.

– Серьезными? Это как?

– Ну... Если заказчик большой человек или собачки ценные да еще застрахованы.

Я стиснул зубы. Трудно после таких признаний любить человечество. В особенности – тех его представителей, кого именуют взрослыми. Но я пытался. Из всех сил пытался.

– Ты сам-то, тролль, застрахован?

– Причем тут это?

– Больно мне слова твои не нравятся.

– Но я же правду говорю! Как было, так и говорю.

– А где парень, которого утром взяли?

– Парень?

– Ну, ну – не моргай глазками. Ты понял, про кого я

спрашиваю. Белобрысый такой, худой, в спортивном костюме.

– Это который на крыше сидел?

– Ответ правильный. Дальше излагай!

– Так это... Увели его.

– Это понятно. Я спрашиваю: куда увели?

– В администрации он. Там у нас комнатуха для буйных.

– А почему в полицию не сдали?

– Так он же это... Молчит. А у нас тут вроде как своя полиция.

Я снова начал потихоньку закипать.

– Били его?

– Ммм... Я такого не видел, – глаза мужчины вновь юрко забегали.

– Так били или нет?

– Ну, может, пару раз шлепнули...

– Вот и Тихон сейчас пару раз тебя шлепнет! – взорвался за моей спиной Кулер. – Тоже не очень сильно. Поездишь остаток жизни в инвалидке.

Охранник заерзал в своем шезлонге.

– Слушайте, пацаны. Я-то тут причем? С вами я все честь по чести...

– Какая у тебя, на фиг, честь... – я вдруг почувствовал смертельную усталость. Будто в несколько минут выполнил суточную норму по выгрузке мешков с кар-

тофелем. – Гад ты. И гадам служишь.

– А как еще кормить семью? Может, ты подскажешь?

– Ладно, кормилец, проехали... Где она – твоя администрация?

– Третий корпус, в конце главной аллеи.

– У вас еще и аллеи есть? – я покачал головой.

– Вот, – сметливый Боб, сбегав к Тарасу, тут же вернулся с распечатанной схемой станции. – Пусть покажет.

Связанными руками охранник ткнул в один из домов.

– Вот этот – с флажочком. Тут администрация, склад инвентаря, кабинет администратора.

– Сколько там охранников? – продолжал я допрос.

– Да сейчас, может, вовсе никого нет. Что там охранять-то? Секретаря с бухгалтером? А пацан ваш под замком сидит, не выскочит.

– Ладно, убедил.

– Руки-то развяжете?

– Чего? – я приложил ладонь к уху.

– Ну... Я же вам все откровенно выложил.

– Это нам еще проверить предстоит, а пока радуйся, что живой, – я снова заклеил охраннику рот. – Сиди тихо, дыши ровно. А если что, так мы ведь и вернуться можем.

– Это тоже не помешает, – подняв перед собой сотовый, Кулер сфотографировал охранника в фас и профиль.

– Ты все понял? – я внимательно глянул на мужчину, и он угрюмо кивнул.

ков тут не было, – нормальный ОМОН. Проводил операцию по выемке ценного животного. И оружие твое изъято по причине сопротивления властям. – Теперь ты у нас в базе данных, так что про красноречие и детали лучше сразу забыть. Никаких подрост

– Короче, дыши через раз и в сторону, – подытожил Боб. – Глядишь – и выплывешь, sweet guy...

– Эд!

Я быстро обернулся. Но нет, никто не заносил надо мной ятагана, и никакая иная угроза мне не грозила. Это кричал Димка Зайцев – и кричал не от испуга, а от изумления. Потому что умница Тихон ни понуканий, ни уговоров дожидаться не стал – сам все изладил в наилучшем виде. Во всяком случае, возле перил я его уже не видел. Мудрый наш Тихон вполне самостоятельно забрался в фургон и теперь расслабленно лежал в проходе.

– Вот и здорово, – я улыбнулся. – Он все отлично понял!

А что еще я мог сказать?..

Глава 8 Это сладкое слово – свобода!

Легкий стыд я все же продолжал ощущать. Ведь, правда, чуть не забыл про Серегу. Это про человека, который познакомил нас с Тихоном, который учил меня жонглировать! Так вот друзья и проверяются! Одно дело – вместе шашлыки лопать да по клубам ночным шастать, и совсем другое – предприятие вроде нашего сегодняшнего.

Теперь я сидел возле Тараса, и тяжелый помповик лежал у меня на коленях. Счет отныне шел на секунды, и мы, уже не маскируясь, мчались на полном ходу к злополучному зданию администрации. Впрочем, оно только так называлось, а в реалиях оказалось таким же щитовым домиком, только раза в два побольше. И флаг российский висел над фронтоном. Глядя на него, я подумал, что уместнее здесь воткнуть черную тряпицу с черепушкой Веселого Роджера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.